

КОЛИИ МАККАЛОУ

Тим

Колин Маккалоу: Золотая коллекция

Колин Маккалоу

Тим

«Издательство АСТ»

1974

УДК 821.111-31(94)

ББК 84 (8Авс)-44

Маккалоу К.

Тим / К. Маккалоу — «Издательство АСТ», 1974 — (Колин Маккалоу: Золотая коллекция)

ISBN 978-5-17-114322-0

Дебютный роман Колин Маккалоу, созданный ею еще во времена научной и преподавательской работы в Йельской медицинской школе при знаменитом университете. Роман, за которым последовали «Поющие в терновнике» и переход тридцатисемилетней Маккалоу от научной карьеры к литературной. История немолодой и одинокой Мэри Хортон, давно уже привыкшей к спокойной жизни для себя, но однажды повстречавшей юношу Тима. Юношу, прекрасного, словно греческий бог, однако разумом не превосходящего наивного ребенка... Дни общения переходят в недели, и чем дальше, тем сильнее становится связь странного, но глубокого взаимопонимания между умной, хорошо образованной женщиной и ее «особенным» юным другом, по своему не менее полноценным, чем «нормальные» люди, жалевшие его со снисходительной усмешкой. Юношей, который научил ее ничего не бояться и просто радоваться каждому новому дню. Но дружба между Мэри и Тимом переросла в любовь, и подобного общественная мораль уже не готова была принять. И тем более не собиралась прощать...

УДК 821.111-31(94)

ББК 84 (8Авс)-44

ISBN 978-5-17-114322-0

© Маккалоу К., 1974

© Издательство АСТ, 1974

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Колин Маккалоу

Тим

Colleen McCullough

TIM

Печатается с разрешения издательства HarperCollins Publishers и литературного агентства Andrew Nurnberg.

© Colleen McCullough, 1974

© Перевод. И. П. Новоселецкая, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

*Гилберту Х. Глейзеру,
доктору медицинских наук
и заведующему кафедрой неврологии
медицинского факультета
Йельского университета,
с благодарностью и любовью*

Глава 1

В эту пятницу Гарри Маркем вместе со своей бригадой прибыл к месту работы ровно в семь утра. В кабине пикапа с ним сидел старший мастер Джим Ирвин; остальные рабочие ехали в кузове, устроившись кто как смог. Дом, который они подрядились ремонтировать, находился в пригороде Артармон на северном побережье сиднейской бухты, сразу же за заброшенным глиняным карьером. Заказ был небольшой, даже для такого мелкого подрядчика, как Гарри: от них требовалось оштукатурить бунгало из красного кирпича и к задней веранде пристроить спальную комнату. Время от времени Гарри охотно брался за подобную мелочевку, чтобы бригада не простаивала между более крупными контрактами.

Судя по приметам этого утра, выходные обещали быть жаркими и нескончаемо солнечными. Недовольно ворча, рабочие выпрыгнули из пикапа, нырнули под сень деревьев, отбрасывавших тени на ведущую к бунгало дорожку, и без всякого стеснения принялись переодеваться.

Вскоре из дома вышла хозяйка. В выцветшем розовом халате из синели по моде пятидесятых годов, шаркающей походкой она шла по двору, крепко сжимая обеими руками ночной горшок с вульгарным цветочным рисунком. Голову ее усеивали поблескивавшие на свету металлические бигуди – тоже привет из пятидесятых. Современные средства завивки миссис Эмили Паркер не признавала – еще чего!

Двор полого спускался в усыпанный гравием карьер, который некогда являлся источником сырья для производства кирпичей, а ныне служил хозяйке удобным местом, куда она каждое утро опорожняла судно. Выросшая в деревне, миссис Паркер упорно придерживалась деревенских привычек и ночью ходила исключительно на горшок.

Как только его содержимое широкой светло-янтарной дугой устремилось на дно карьера, она обратила злобный взгляд на полуголых мужчин.

– Добрый день, миссис Паркер! – крикнул Гарри. – Сегодня, думаю, закончим!

– Давно пора, лентяи! – сердито отозвалась хозяйка и, ничуть не смущаясь, зашлепала по двору к дому. – Чего мне только не приходится из-за вас терпеть! Давеча мисс Хортон сетовала, что ее красавица герань вся сплошь покрыта цементной пылью, а венерин волос засох, потому что какой-то безмозглый болван накидал ей кирпичей через забор и сломал цветок.

– Если мисс Хортон – та старая дева с вечно недовольным лицом, что живет по соседству, – тихо сказал Мик Девин Биллу Нейсмиту, – готов поспорить, кирпичи тут ни при чем: ее венерин волос засох давным-давно, потому что его никто не удобряет!

Не переставая громко ворчать, хозяйка исчезла в доме, а через несколько секунд рабочие услышали, как она энергично полощет горшок в туалете, затем спускает воду в унитазе и вешает горшок на крючок.

– Матерь божья, в карьере, наверное, трава уже зеленее, чем на лугах, – заметил Гарри ослабившимся товарищам.

– Странно, как она его еще не затопила, – ухмыльнулся Билл.

– По-моему, она слегка того, если хотите знать мое мнение, – сказал Мик. – У нее в доме два нормальных толчка, а она все в ночную вазу мочится. И это в наше-то время.

– В ночную вазу? – переспросил Тим Мелвилл.

– Да, дружище, именно так. Эта штука, которую каждый вечер ставят возле кровати, очень коварная: когда в спешке встаешь с постели, непременно попадешь в нее ногой, – объяснил Гарри и посмотрел на часы. – Так. Сейчас должна подъехать бетономешалка. Тим, ты иди встречай ее, а потом возьми из пикапа большую тачку и начинай подвозить нам раствор, ясно?

Тим Мелвилл с улыбкой кивнул и затрусил прочь.

Мик Девин, все еще размышляя о причудах хозяйки и рассеянно глядя ему вслед, вдруг расхохотался.

– О! У меня отличная идея! Слушайте, парни, во время перекура подыграйте мне, и, может, нам удастся просветить Тима насчет горшков и прочей фигни.

Глава 2

Мэри Хортон скрутила длинные, очень густые волосы в привычный пучок на затылке, для верности воткнув еще пару шпилек, и окинула взглядом свое отражение в зеркале – без радости, без сожаления и даже без особого интереса. Зеркало было хорошего качества – не льстило ей, не искажало внешность. Приглядысь мисс Хортон к себе внимательнее, увидела бы невысокую коренастую немолодую женщину с гладко зачесанными назад бесцветными, как хрусталь, седыми волосами и квадратным суровым лицом с резкими, но правильными чертами. Косметикой она не пользовалась, считая, что тешить свое тщеславие – пустая трата времени и денег. Глаза темно-карие, взгляд цепкий, настороженный, придирчивый. Обычный наряд мисс Хортон, который ее коллеги воспринимали как нечто среднее между военной формой и монашеским облачением, состоял из накрахмаленной белой рубашки, застегнутой на пуговицы под самое горло, подогнанного по фигуре строгого полотняного пиджака и юбки ниже колен, широкой, чтобы не задиралась, когда садишься. На ногах – плотные компрессионные чулки и черные, со шнуровкой, туфли на массивных квадратных каблуках.

Обувь всегда была начищена до блеска; на белоснежной рубашке – ни пятнышка, ни крапинки; на безукоризненно отутюженном полотняном костюме – ни единой складки. Мэри Хортон стремилась – до одержимости – в любое время дня и ночи выглядеть безупречно. Молодая женщина, которая помогала ей по работе, клялась и божилась, что мисс Хортон, прежде чем воспользоваться туалетом, аккуратно снимает костюм и вешает на плечики, чтобы одежда не помялась.

Убедившись, что внешне она полностью соответствует собственным жестким стандартам, Мэри Хортон надела черную соломенную шляпку, быстро закрепив ее булавкой, натянула черные лайковые перчатки и принялась методично проверять содержимое своей огромной сумки: ключи, деньги, носовой платок, упаковка тампонов, ручка и блокнот, ежедневник, удостоверение личности, кредитные карты, водительские права, пропуск на автостоянку, обычные и английские булавки, коробочка с иглами и нитками, ножницы, пилка для ногтей, две запасные пуговицы для рубашки, отвертка, щипчики, кусачки, фонарик, металлическая рулетка с измерительной шкалой в сантиметрах и дюймах, коробка патронов тридцать восьмого калибра и полицейский револьвер.

Стреляла Мэри Хортон метко. Она работала в горно-металлургической компании «Констебль Стил энд Майнинг», и в ее обязанности в том числе входило ездить в банк за деньгами. Однажды она подстрелила грабителя, убежавшего с зарплатой работников компании, и с тех пор в Сиднее не было ни одного преступника, у которого хватило бы духу перейти дорогу мисс Хортон, когда та возвращается из банка. Сохраняя полнейшее самообладание, ни словом не выразив протеста, она столь спокойно отдала грабителю портфель с деньгами, что тот счел себя в полной безопасности. Но стоило ему отвернуться и броситься бежать, Мэри открыла сумку, достала револьвер, прицелилась и выстрелила ему в плечо. Сержант Хопкинс, работавший в тире полицейского управления Нового Южного Уэльса, утверждал, что с огнестрельным оружием Мэри Хортон обращается ловчее, чем Сэмми Дэвис-младший¹.

В четырнадцать лет, оказавшись предоставленной самой себе, Мэри Хортон поселилась в приюте Христианской ассоциации молодых женщин, в одной комнате с пятью другими девушками, и устроилась продавцом в универмаг «Дэвид Джонс», где проработала до окончания вечерних курсов секретарей, а в пятнадцать поступила на службу в канцелярию компании «Констебль Стил энд Майнинг» на должность машинистки. Тогда Мэри Хортон была так бедна, что из одежды имела только одну юбку и одну блузку, которые тщательно стирала каж-

¹ Сэмми Дэвис (младший) (1925–1990) – американский актер вестернов. – *Здесь и далее примеч. пер.*

дый день, а хлопчатобумажные чулки чинила так часто, что штопки на них было больше, чем самой чулочной ткани.

Не прошло и пяти лет, как Мэри Хортон за усердие, ненавязчивый спокойный нрав и поразительный ум перевели из канцелярии на должность личного секретаря гендиректора Арчибальда Джонсона, однако первые десять лет работы в компании она продолжала жить в приюте Христианской ассоциации, латая чулки и откладывая больше, чем тратя.

Когда ей исполнилось двадцать пять, она обратилась к Арчи Джонсону за советом относительно инвестирования своих сбережений и к тридцати годам во много раз увеличила первоначальный капитал. В возрасте сорока трех лет Мэри Хортон уже жила в собственном доме в благополучном пригороде, водила старомодный, но очень дорогой британский автомобиль «бентли» с салоном из натуральной кожи и орехового дерева, владела участком земли в двадцать акров с коттеджем к северу от Сиднея и заказывала костюмы у портного, который обшивал супругу генерал-губернатора Австралии.

Она была вполне довольна собой и своей жизнью, иногда позволяла себе маленькие радости, которые обходились отнюдь не в маленькую сумму, на работе держалась особняком и вела замкнутый образ жизни. Друзей ей заменяли пять тысяч книг, стоявшие на стеллажах в библиотеке, и несколько сотен пластинок – в основном с записями произведений Баха, Брамса, Бетховена и Генделя. Она любила возиться в саду, наводить порядок в доме, не смотрела телевизор и не ходила в кино. И никогда не вступала в отношения с мужчинами и не хотела этого.

Остановившись на крыльце и рукой прикрывая глаза от слепящего солнца, Мэри Хортон с минуту оценивала состояние своего палисадника. Газон отчаянно нуждался в стрижке. Где тот поганец, которому она платила за то, чтобы он раз в две недели по четвергам подравнивал траву? Он не появлялся вот уже месяц, и еще недавно гладкий бархатный зеленый ковер теперь выглядел неухоженным. Досадно, очень досадно, посетовала про себя Мэри.

В воздухе стоял странный гул, – нечто вроде отдаленного «бум-бум-бум», – пробиравший до костей и предупреждавший бывалых сиднейцев, что сегодня их ждет очень жаркий день. На двух цветущих западноавстралийских эвкалиптах, стоявших по обе стороны от ворот, трепетали поникшие серповидные синие листья, словно деревья вздохами выражали протест против пульсирующего зноя; в удушающей массе желтых цветов на кустах акации деловито пощелкивали и трещали японские жуки. Пышные красные олеандры с обеих сторон обрамляли выложенную плиткой дорожку, которая вела от крыльца к гаражу.

Плотно сжав губы, Мэри Хортон пошла по ней, но едва поравнялась с первым восхитительно благоухающим кустом, тот взорвался таким пронзительным визгом и ором, что у нее зазвенело в ушах и закружилась голова. А потом началась дуэль, которая повторялась каждое утро и каждый вечер в летнее время года.

Поставив сумку на землю и сняв перчатки, Мэри Хортон решительным шагом направилась к аккуратно свернутому зеленому садовому шлангу, повернула до упора вентиль и принялась поливать олеандры. По мере того как кусты пропитывались влагой, шум стихал. Лишь из ближайшего к дому куста все еще доносился певучий бас цикады-хормейстера: «Брик-брик!» Покачав головой, Мэри погрозила насекомому кулаком и процедила сквозь зубы:

– Я еще до тебя доберусь, гадина!

«Бриииик!» – насмешливо проверещала в ответ цикада.

Надев перчатки и подняв сумку, в тишине и покое Мэри прошествовала к гаражу.

С подъездной дорожки было хорошо видно, в каком безобразном состоянии находится некогда симпатичное бунгало жившей по соседству миссис Эмили Паркер. Поднимая ворота гаража, Мэри неодобрительно посмотрела на беспорядок за забором и устремила взгляд на тротуар.

Тротуары Уолтон-стрит радовали глаз. Каждый представлял собой узкую бетонную дорожку, которую отделял от обочины восхитительно ухоженный широкий газон. По обеим

сторонам улицы через каждые тридцать футов высились, чередуясь по цвету – белый, розовый, красный, розовый, – громадные олеандры. Деревья были гордостью местных жителей, а Уолтон-стрит почти каждый год объявляли победительницей в конкурсе на лучшую улицу, проводимом газетой «Геральд».

У одного из олеандров напротив дома Эмили Паркер стояла громоздкая бетономешалка, из которой по желобу на траву стекал серый вязкий цемент. Раствор капал с унылых окаменевших ветвей дерева, медленно заползал в неровности на газоне, образуя лужи, растекался по мощеной дорожке. Губы Мэри сжались в тонкую линию и побелели от негодования. Какой бес вселился в Эмили Паркер, заставляя ее уродовать стены своего дома этой отвратительной смесью? Впрочем, о вкусах – точнее, об отсутствии оных – не спорят, рассудила мисс Хортон.

Какой-то парень, стоя на солнцепеке с непокрытой головой, равнодушно наблюдал за осквернением Уолтон-стрит. Мэри Хортон, находившаяся от него на расстоянии двадцати шагов, вытаращила глаза от изумления.

Живи он две с половиной тысячи лет назад, Фидий и Пракситель изваяли бы с него статую величайшего Аполлона всех времен, и, вместо того чтобы стоять с отрешенным видом на тихой сиднейской улице, будучи обреченным на забвение, как всякий смертный, он жил бы вечно в плавных изгибах холодного светлого мрамора, и его каменные глаза безучастно взирали бы сверху вниз на миллионы людей, которые в восхищении проходили бы перед ним поколение за поколением.

Но он торчал здесь, на Уолтон-стрит, загаженной строительным раствором. Должно быть, это рабочий из бригады Гарри Маркема, подумала мисс Хортон, обратив внимание на рабочие шорты цвета хаки, закатанные под самые ягодички. Кроме шорт, едва державшихся на бедрах, и толстых шерстяных носков, завернутых на тяжелые грубые ботинки, на парне больше ничего не было: ни рубашки, ни куртки.

На мгновение повернувшись к ней боком, он засверкал на солнце, словно изваяние из золота. Ноги у него имели столь красивую форму, что Мэри вообразила его бегуном на длинные дистанции. В сущности, он и был сложен как легкоатлет: высокий, стройный, грациозный, с широкими плечами и грудью и узкими бедрами.

А лицо! Лицо его было само совершенство. Нос короткий и прямой, высокие скулы резко очерчены, мягкий изгиб губ. Левую щеку почти у самого уголка рта прорезала тонкая морщинка, которая придавала лицу выражение печали, детской невинности и растерянности. Волосы, брови и ресницы цвета спелой пшеницы божественно золотились на солнце, а глаза были синие-синие, как васильки.

Заметив, что она наблюдает за ним, парень радостно ей улыбнулся, и от его улыбки у Мэри Хортон перехватило дыхание. Она судорожно вздохнула и как сумасшедшая кинулась к своей машине, с ужасом осознавая, что ее заорожила его исключительная красота.

Воспоминание о юноше не отпускало мисс Хортон ни на минуту, пока она еле тащилась до делового центра в северной части Сиднея, где располагалось сорокаэтажное административное здание компании «Констебль Стил энд Майнинг». Как Мэри ни старалась сосредоточиться на дорожном движении и предстоящих событиях дня, ей не удавалось выбросить его из головы. Будь он смазливый молодой человеком, brutальным самцом или писанным красавцем, она с легкостью забыла бы его, как благодаря самодисциплине научилась забывать все нежеланное и нарушающее душевный покой.

О боже, до чего же он прекрасен: изумительно, ошеломляюще прекрасен!

Эмили Паркер говорила, что сегодня строители должны закончить ремонт. При воспоминании об этом Мэри показалось, что все вокруг, окутанное дрожащим мерцающим знойным маревом, немного потускнело.

Глава 3

После отъезда Мэри Хортон цикада-хормейстер из своего олеандрового куста испустила низкое резонирующее «бри-и-ик», и ей тотчас же ответила дива-сопрано, прятавшаяся в ветвях соседнего куста. Один за другим к ним стали присоединяться теноры, контральто, баритоны, другие сопрано. Вскоре палящее солнце зарядило их радужные зеленые тельца столь неумной певческой энергией, что пытаться вести беседу, стоя в шаге от кустов, было бесполезно. Оглушающий хоровой стрекот распространялся вширь и ввысь, перекрывая пощелкивание японских жуков, возносился к эвкалиптам, летел через забор к олеандромам, высившимся вдоль тротуаров на Уолтон-стрит, и камфорным лаврам, разделявшим дворы Мэри Хортон и Эмили Паркер.

Строители едва ли замечали пение цикад, пока им не пришлось перекрикиваться друг с другом. Они трудились в поте лица: мастерками черпали цементный раствор из большой кучи, которую постоянно пополнял Тим Мелвилл, и бросали его на щербатую стену бунгало хозяйки. Пристройка была закончена; оставалась только финишная отделка. Голые спины рабочих ритмично нагибались и выпрямлялись, солнце жарило тела; пот высыхал прежде, чем успевал каплями проступить на бархатистой загорелой коже. Билл Нейсмит наносил цемент на кирпичи. Мик Девин равномерно распределял раствор по поверхности. Джим Ирвин, балансируя на шатких лесах, следом за ним круговыми движениями разглаживал сырую штукатурку, избавляясь от мелких неровностей. Гарри Маркем, руководивший работами, посмотрел на часы и окликнул Тима:

– Так, приятель, иди-ка в дом и спроси у хозяйки, можно ли вскипятить воду. Ясно?

Тим оставил тачку на дорожке, взял жестяной котелок, коробку с посудой и провизией и ногой стукнул в дверь черного хода.

Минутой позже за москитной сеткой нарисовался темный силуэт миссис Паркер.

– А, это ты, лапушка? – произнесла она, отворяя дверь. – Входи, входи! Наверное, хочешь, чтобы я чайник вскипятит для тех противных бездельников, что возятся на улице, да?

Закурив сигарету, она искоса посмотрела на Тима, а тот стоял и моргал, пытаясь привыкнуть к сумраку после яркого солнечного света.

– Да, будьте добры, миссис Паркер, – учтиво ответил Тим с улыбкой.

– Что ж, ладно. Впрочем, полагаю, ничего другого мне не остается, да? Если я хочу, чтобы ремонт был закончен до выходных. А ты, лапушка, присаживайся. Посиди, пока чайник греется.

Миссис Паркер зашлепала по кухне. На ней было хлопчатобумажное платье с узором из лиловых и желтых фиалок. На голове невообразимо курчавились завитые седые волосы.

– Хочешь печенюшку, лапушка? – спросила она, протягивая Тиму банку с печеньем. – Шоколадные. Очень вкусные.

– Да, спасибо, миссис Паркер. – Улыбаясь, Тим запустил руку в банку и взял одно облитое шоколадом печенье.

Хозяйка забрала у него котелок и сыпанула туда добрую четверть фунта заварки. Тим все это время молча сидел на стуле. Когда чайник закипел, хозяйка наполнила котелок до половины кипятком и снова поставила греться воду. Тим выставил на кухонный стол эмалированные кружки, бутылку молока и банку с сахаром.

– Ну-ка, детка, вытри руки о полотенце, как хороший мальчик, – попросила хозяйка, заметив, что Тим испачкал шоколадом край стола.

Она подошла к двери, выходящей во двор, высунула голову и крикнула во все горло:

– Пере-кур!

Тим налил себе чаю без молока и положил в кружку так много сахара, что черная как уголь, жидкость выплеснулась на стол.

– Да что ж ты за свинтус такой! – закудаhtала миссис Паркер и снисходительно улыбнулась. – От твоих дружков я бы этого не потерпела, но ты ведь не специально, да, лапушка?

Тим тепло улыбнулся ей, взял кружку и вышел на улицу, а остальные рабочие начали заходить на кухню.

Они перекусывали за домом, в тенистом местечке, которое находилось сравнительно далеко от мусорных баков, и мух там было мало. Держа в одной руке кружку с чаем, в другой – бумажный пакет с едой, рабочие сидели на импровизированных скамейках, сложенных из кирпичей, с наслаждением вытянув ноги и отмахиваясь от мух. Над ними нависали ветви камфорных лавров, разделявших участки мисс Хортон и миссис Паркер. В их густой тени приятно было передохнуть после работы под палящим солнцем.

Рабочий день начинался в семь и заканчивался в три часа, поэтому обычно в девять рабочие устраивали получасовой перерыв, который называли перекуром, а в половине двенадцатого наступало время обеда. Поскольку занимались они тяжелым физическим трудом, аппетит у всех был отменный, хотя на их сухощавых мускулистых фигурах это никак не отражалось. Каждый вставал в половине шестого утра, завтрак, как правило, состоял из горячей овсянки, жареных отбивных или яичницы из двух-трех яиц с колбасой, нескольких чашек чая и тостов. В девять они ели домашние бутерброды и пирог, на обед – двойную порцию того же самого. После полудня работали без перерывов, а в три заканчивали. Побросав рабочие шорты в небольшие коричневые сумки, удивительно похожие на медицинские саквояжи, мужчины снова облачались в рубашки с открытым воротом и тонкие хлопчатобумажные брюки и спешили в паб. Поход в паб был кульминацией каждого дня. В шумной атмосфере увеселительного заведения с интерьером, как в общественном туалете, они расслаблялись – опираясь ногами на подножку барного стула, пили пенящееся пиво, переливавшееся через края их поллитровых кружек, травили байки с приятелями и другими посетителями, безнадежно флиртовали с неприступными официантками. После этого возвращение домой, к мелочам семейной жизни, приносило сплошное разочарование.

Сегодня утром, отдыхая во время перекура, мужчины были как-то необычайно возбуждены, словно чего-то ждали. Мик Девин и его закадычный дружок Билл Нейсмит устроились бок о бок у высокого штaketника; у их ног стояли кружки, на коленях были разложены бутерброды. Гарри Маркем и Джим Ирвин сидели к ним лицом. Тим занимал место ближе к задней двери – на тот случай, если его попросят что-нибудь принести из дома. Как самый младший, в бригаде он находился на положении мальчика на побегушках, а по документам официально числился разнорабочим. С Гарри он работал десять из своих двадцати пяти лет, и тот ни разу не повысил его в должности.

– Эй, Тим, с чем у тебя сегодня бутерброд? – спросил Мик, подмигивая остальным.

– Ну ты даешь, Мик. С джемом, как всегда, – ответил Тим, показывая поджаренный белый хлеб, по краям которого стекал густой янтарный джем.

– Что за джем? – допытывался Мик, без энтузиазма глядя на свой сандвич.

– Абрикосовый, наверное.

– Хочешь поменяться? У меня с колбасой.

– С колбасой! – просиял Тим. – С колбасой я люблю! Давай!

Обмен состоялся. Мик впился зубами в бутерброд с абрикосовым джемом. Тим, не замечая ухмылок товарищей, быстро уплетал сандвич Мика. Ему оставалось сунуть в рот последний кусок, как вдруг Мик, у которого тряслись плечи от едва сдерживаемого хохота, схватил его за запястье.

Синие глаза с детским недоумением и испугом вопрошающе воззрились на Мика; горестный рот безвольно приоткрылся.

– Ты чего, Мик? – удивился Тим.

– Ну ты, приятель, и жрать горазд. Как тебе мой сэндвич с колбасой? Или слупил и даже вкуса не успел почувствовать, а?

Тим закрыл рот, и его левую щеку снова прорезала тонкая морщинка. Он в замешательстве смотрел на Мика, предчувствуя недоброе.

– Да нормальный сэндвич, Мик, – медленно произнес Тим. – Вкус немного другой, а так нормальный.

Мик захохотал, а в следующее мгновение уже все корчились и плакали от смеха, от рези в боках сгибаясь в три погибели, хватая воздух ртами.

– Черт, Тим, ну ты полный дебил! Гарри считает, что ты стоишь шестьдесят центов, а я ему сказал, что цена тебе не больше десяти, и сегодняшний случай подтверждает, что я прав. Больше десяти ты не стоишь, чувак!

– Да что случилось-то? – растерянно спросил Тим. – Что я сделал? Мик, я и сам знаю, что мне мозгов не хватает. Честно!

– Тим, если колбаса в твоём сэндвиче на вкус не колбаса, на что она похожа? – скалился Мик.

– Ну, не знаю... – Натужно соображая, Тим сдвинул золотистые брови. – Не знаю! Просто другая на вкус, и все.

– Так посмотри, что у тебя в хлебе лежит, да повнимательней.

Тим суетливо раздвинул две половинки недоеденного сэндвича. Последний кусок колбасы, на вид склизкий и липкий по краям, был расплюснут до неузнаваемости.

– Понюхай! – велел Мик. Отирая слезы тыльной стороной ладони, он окинул взглядом своих безудержно хохочущих дружков.

Тим поднес остатки сэндвича к носу, ноздри его затрепетали. Опустив руку, он недоуменно уставился на товарищей по бригаде.

– Я не знаю, что это, – жалобно произнес Тим.

– Экскремент это, бестолочь! – с отвращением выпалил Мик. – Черт, ну ты и тупица! Так и не понял, что это, даже после того, как понюхал?

– Экскремент? – повторил Тим, тарашась на Мика. – Что такое «эксcreмент», Мик?

Все снова покатались со смеху, а Тим держал кончиками пальцев остатки сэндвича терпеливо ждал, когда кто-нибудь немного успокоится и ответит на его вопрос.

– Экскремент, малыш Тим, это большой жирный кусок говна! – завывая от хохота, объяснил Мик.

Тим содрогнулся и судорожно сглотнул, в ужасе отшвырнув хлеб. Съежившись, он нервно потирал руки. Остальные отскочили от него подальше, думая, что Тима сейчас стошнит. Но его не стошнило – он просто сидел и смотрел на них, объятый горем.

История повторялась. Над ним все смеялись, потому что он совершил глупость. Только Тим не понимал, что это была за глупость, что в ней было смешного. Отец сказал бы, что нужно «соображать», что бы это ни значило. Но он не «соображал» – просто с удовольствием съел сэндвич с колбасой, которая оказалась вовсе не колбасой. Кусок говна, объяснили они. Но откуда ж ему знать вкус говна, если раньше он его никогда не пробовал? Что их так развеселило? Жаль, что он не знает. А Тим очень хотел бы знать, понимать их шутки, смеяться вместе с ними. Его всегда безмерно печалило, что он не в состоянии ничего понять.

Широко распахнутые синие глаза наполнились слезами, лицо исказилось в душевной муке, и он заревел в голос, как ребенок.

– Будьте вы прокляты, мерзавцы, жуки навозные! – заорала хозяйка, словно фурия вылетев из дома в своем домашнем платье, на котором колыхались желто-лиловые фиалки. Она подошла к Тиму, взяла его за руки и заставила подняться с кирпичей, бросая гневные взгляды на посерьезневших рабочих. – Пойдем, лапушка, пойдем в дом. Я угощу тебя вкусеньким,

чтобы заесть эту гадость, – утешала она Тима, похлопывая его по рукам и поглаживая по голове. – А вы, негодники, – зашипела она на рабочих, – надеюсь, провалитесь в преисподнюю! – И остановила на Мике столь злобный взгляд, что тот попятился. – На кол вас надо посадить да плетью выпороть, чтоб впредь неповадно было. Нелюди проклятые! Принимайтесь-ка лучше за работу. Гарри Маркем, не доделаете все сегодня, значит, вообще не закончите! Потому что видеть я вас здесь больше не хочу!

Причитая, она повела Тима в дом. Остальные рабочие молча смотрели друг на друга.

– Чертовы бабы! – наконец произнес Мик, пожимая плечами. – Хоть бы у одной было чувство юмора. В жизни такой не встречал. Ладно, давайте за дело. Сегодня нужно закончить. Мне тоже здесь все обрыдло.

Миссис Паркер привела Тима на кухню и усадила на стул.

– Эх ты, бедняжка, глупенький, – приговаривала она, подходя к холодильнику. – И почему мужичью так нравится дразнить дурачков и собак. Ишь развеселились: гогочут, улюлюкают. Очень смешно! Испечь бы им шоколадный торт да сдобрить его дерьмом. Посмотрела бы я, как бы они тогда смеялись. Тебя вон бедняжку даже не стошнило, а они бы целый час блевали, герои! – Миссис Паркер оглянулась на Тима, и ее лицо смягчилось. Он все еще плакал, икая и жалобно шмыгая носом. – Ну все, будет, будет! – Она достала из коробки салфетку и взяла Тима за подбородок. – Сморкайся, глупыш!

Тим повиновался, после чего миссис Паркер принялась вытирать ему лицо.

– Ах, ах, какое добро зря пропадает! – говорила она, рассматривая его. Потом бросила грязную салфетку в мусорное ведро и пожала плечами. – Увы, такова жизнь. Никому не дано иметь все, даже самым важным и лучшим из нас, верно, лапушка? – Старческой костлявой рукой она потрепала Тима по щеке. – А теперь, лапушка, скажи, что тебе больше по вкусу – мороженое с шоколадным сиропом или большой кусок пудинга с джемом и холодным банановым кремом?

Тим перестал шмыгать носом и расплылся в лучезарной улыбке.

– Мне, пудинг, пожалуйста, миссис Паркер! Я обожаю пудинг с джемом и холодным банановым кремом. Это мой любимый!

Она села за кухонный стол напротив Тима, и, наблюдая, как он ложкой запихивает в рот большие куски пудинга, журила его за то, что он ест слишком быстро и не следит за своими манерами.

– Ешь с закрытым ртом, лапушка. Нельзя никому показывать, как ты пережевываешь пищу, – это неприлично. И локти со стола убери, будь умницей.

Глава 4

В половине седьмого вечера Мэри Хортон поставила автомобиль в гараж. Она до того вымоталась, что, пока шла к дому, у нее дрожали коленки. Целый день Мэри изнуряла себя работой, так что сумела заглушить все чувства, кроме усталости. Ремонт у миссис Паркер, по-видимому, был завершен: от кладки из красного кирпича не осталось и следа, стены покрывала сырая серо-зеленая штукатурка. Когда Мэри закрывала входную дверь, зазвонил телефон. Она бросилась к аппарату.

– Мисс Хортон, вы дома? – проскрежетала в трубку соседка. – Милочка, это Эмили Паркер. Не могли бы вы оказать мне услугу?

– Конечно.

– Мне нужно уйти. Сын только что позвонил с центрального вокзала, я должна его встретить. Строители закончили ремонт, но во дворе остался мусор. Гарри обещал позже подъехать и навести порядок. Присмотрите за домом, пожалуйста, ладно?

– Непременно, миссис Паркер.

– Спасибо, милочка. До завтра.

Мэри раздраженно вздохнула. Ей хотелось только одного – сесть в мягкое кресло у большого окна, задрать ноги и, потягивая херес, почитать «Сидней морнинг геральд», как обычно по вечерам. Она прошла через гостиную к домашнему бару, открыла шкафчик. Стеклоянная посуда у нее была изысканно красивая – уотерфордский хрусталь. Мэри взяла с полированной полки бокал на длинной ножке. Она предпочитала полусладкий херес, который обычно смешивала в равных долях с амонтильядо, а сверху добавляла приторно сладкий херес. Закончив ритуал, с бокалом в руке Мэри прошла на заднюю террасу.

Ее дом был спроектирован интереснее бунгало миссис Паркер. Вместо традиционной веранды на небольшом, футов пятнадцать, возвышении располагалось просторное патио, вымощенное плитками из песчаника, которое с трех сторон уступами спускалось к газону. В жаркие часы лета в этом чудесном внутреннем дворике было очень прохладно – благодаря решетчатому навесу, увитому виноградником и глицинией. Летом Мэри под этим густым зеленым пологом спасалась от солнца; зимой – грелась под балдахином из голых узловатых ветвей, сквозь которые сочились теплые солнечные лучи. Весной над патио стелился изумительный ковер с лиловыми кистями глицинии; поздним летом и осенью с решетки свисали тяжелые гроздья столовых сортов винограда – красные, белые, фиолетовые.

Мэри бесшумно ступала по плиткам в своих начищенных черных туфлях. Походка у нее была крадущаяся, ибо она любила незаметно приближаться к людям, чтобы успеть рассмотреть их до того, как они увидят ее. Порой полезно было застать кого-то врасплох.

Дальний конец патио ограждала выкрашенная в белый цвет ажурная железная балюстрада с кованым узором в виде виноградных лоз. С обеих сторон от нее шли лесенки, ведущие на широкий газон внизу. Поставив бокал на перила, Мэри устремила взгляд во двор миссис Паркер.

Солнце опускалось к горизонту, и будь Мэри из тех людей, которых трогает красота, у нее захватило бы дух от открывшегося зрелища. Между ее террасой и Голубыми горами, vzdymавшимися на удалении двадцати миль, ничто не мешало ее взору, и даже холмы Райда не портили панораму, а скорее подчеркивали ее очарование. Днем воздух раскалился до сорока градусов, к вечеру прохладнее не стало, и на небе не было ни облака – прекрасный финал угасающего дня. Цвет заходящего солнца, насыщенно-желтый, пронизанный бронзой, был восхитителен, он придавал зелени еще более густой оттенок, все остальное покрывая янтарным блеском. Прикрывая ладонью глаза от солнца, Мэри скользила взглядом по двору миссис Паркер.

Парень, которого она видела утром, поднимая мучнистое облако, сметал цементную пыль к груде строительного мусора. Нагнув золотистую голову, он весьма сосредоточенно выполнял простую работу, словно ему нравилось делать все, даже это, с полной самоотдачей. Он по-прежнему был полуобнажен и все так же красив – может, в лучах заката даже еще красивее, чем утром, в ярком свете дня, от которого резало глаза. Мэри, забыв про коктейль, наблюдала за ним, не осознавая, что ею овладело чувство, совершенно чуждое ее натуре. Не испытывая ни стыда, ни замешательства, она просто смотрела на него.

Закончив мести, парень поднял голову и, заметив Мэри, радостно махнул ей рукой, а затем скрылся из виду. Она вздрогнула, но в ту же секунду, не отдавая себе отчета, поспешила к камфорным лаврам, высившимся между участками, и скользнула в дыру в штакетнике.

Парень, очевидно, выполнил все, что ему было поручено, потому как в руке держал сумку, из которой доставал обычную одежду.

– Привет, – поздоровался он, улыбаясь без тени смущения, словно не догадывался о том, как красив и какое впечатление его красота неизменно производит на окружающих.

– Привет, – без улыбки ответила Мэри.

Внезапно ее рука стала мокрой. Она опустила глаза и увидела, что опрокинула бокал.

– У вас пролилось, – заметил парень.

– Ой, и правда. Вот растяпа, да? – отважилась прокомментировать она, сиюминутно придав лицу шутовское выражение.

На это он не нашелся что сказать, но по-прежнему, улыбаясь, смотрел на нее с дружелюбным интересом.

– Хотите немного подзаработать? – наконец спросила Мэри, пытливо глядя на него.

– У? – В лице парня появилась озадаченность.

Она покраснела, в ее темных глазах засквозила ирония.

– У меня газон зарос травой, а человек, которого я наняла ее стричь, уже месяц носу не кажет. Вряд ли я снова его увижу. А я очень горжусь своим садом и не люблю, когда он неухожен, но теперь трудно найти человека, который согласился бы стричь траву. Вот я и подумала: раз вы в пятницу работаете сверхурочно, возможно, вам нужны деньги. Не смогли бы вы прийти сюда завтра и привести в порядок мой газон? У меня есть газонокосилка, так что это скорее вопрос времени, а не физических усилий.

– У? – повторил он, все еще улыбаясь, но уже не так широко.

Мэри в нетерпении передернула плечами.

– Господи боже мой! Нет желания работать, так прямо и скажите. Я просто хочу знать, согласны вы завтра прийти сюда и подстричь траву или нет. Я заплачу больше того, что вам платит мистер Маркем.

Парень подошел к дыре в штакетнике и с любопытством заглянул к ней во двор, потом кивнул.

– Да, зарос газон. Я мог бы его подстричь для вас.

Мэри вернулась на свой участок и повернулась к нему лицом.

– Спасибо. Я вам очень признательна. Поверьте, вы не пожалеете. Завтра утром подходите к задней двери, и я объясню, что делать.

– Хорошо, миссис, – со всей серьезностью ответил парень.

– Вы не хотите узнать, как меня зовут? – спросила Мэри.

– Хочу, наверное, – улыбнулся он.

Насмешливое выражение, не сходявшее с его лица, задело ее за живое.

– Я мисс Хортон! – резким тоном представилась она, снова покраснев. – А вас как зовут, юноша?

– Тим Мелвилл.

– Что ж, мистер Мелвилл, жду вас завтра утром. Спасибо. Всего доброго.

– До свидания, – попрощался он улыбаясь.

Поднявшись на террасу, Мэри бросила взгляд на двор миссис Паркер. Парня уже и след простыл. Хереса тоже не было. Его остатки вылились, когда она, стремясь поскорее спрятаться от взгляда его невинных синих глаз, в рассеянности опрокинула бокал.

Глава 5

Паб при отеле «Взморье» среди жителей Рэндвика слыл популярнейшим питейным заведением. Сюда стекался народ со всех районов большого пригорода – из самого Рэндвика, а также из Куджи, Кловелли и даже Марубры. Здесь подавали восхитительно холодное и вкусное пиво и было где разгуляться. Чем бы ни была вызвана популярность паба, со дня своего открытия он не знал отбоя от посетителей, и всегда в его стенах царили шум и гвалт. Здание в несколько этажей с кипенно-белыми стенами и рядом арок по фасаду, как в Альгамбре, напоминало огромную гасиенду. Отель стоял на высоте двухсот футов над уровнем океана, до которого было меньше полумили, и с него открывался великолепный вид на берег Куджи – один из небольших пляжей в восточных предместьях Сиднея. Большинство посетителей паба пили пиво на длинной красной веранде, которую после трех часов дня накрывала густая тень. Жаркими вечерами это был идеальный уголок для отдыха, потому как солнце опускалось за холм позади отеля, а со стороны сверкающей синевы Тихого океана дул освежающий бриз.

Рон Мелвилл, стоя на веранде с двумя закадычными приятелями, постоянно поглядывал то на часы, то на берег внизу. Тим опаздывал. Уже почти восемь, а он должен был подъехать не позже половины седьмого. Рон не беспокоился – им скорее владело раздражение, ибо за долгие годы он усвоил, что тревожиться за Тима – это верный способ заработать преждевременный инфаркт.

Короткие сиднейские сумерки быстро сгущались. Высокие араукарии, что стояли вдоль набережной, из темно-зеленых превращались в черные. Начинался прилив, волны прибоя с громким ревом набегали далеко в глубь пологого берега и оставляли после себя пелену пены на белом песке; тени удлинялись. Автобусы следовали по склону холма, вдоль прибрежного парка и останавливались на углу далеко внизу. Рон увидел, как там с визгом остановился очередной автобус, и заскользил взглядом по выходящим из него пассажирам, высматривая пшеничную макушку Тима, которую не спутаешь ни с какой другой. Заметив ее, он тотчас же отвернулся.

– Тим приехал. Пожалуй, пойду возьму ему пива. Еще по кружке? – спросил он как бы невзначай.

К тому времени, когда он вернулся на веранду, уже зажглись уличные фонари. Тим стоял рядом с его друзьями и улыбался им во весь рот.

– Привет, пап, – с улыбкой сказал он.

– Привет, привет. Где тебя носило? – угрюмо осведомился Рон.

– Одну работу пришлось доделывать. Гарри не захотел возвращаться туда в понедельник.

– Что ж, деньги за сверхурочку не помешают.

– Мне еще одну работу предложили, – важно доложил Тим, взяв у отца кружку и одним плотком осушив ее. – Ой как здорово! Пап, можно еще?

– Подожди минутку. Что за работа?

– А, ты про это! Леди из соседнего дома хочет, чтобы завтра я подстриг у нее траву.

– Из какого соседнего дома?

– Ну, рядом с тем, где мы сегодня были.

– Тим, – фыркнул Керли Кэмпбелл, – а ты не спросил, где ей постричь траву: внутри или снаружи?

– Заткнись, Керли! Совсем, что ли, придурок? – раздраженно рявкнул Рон. – Знаешь ведь, что Тим таких шуток не понимает!

– Трава у нее высокая выросла, нужно подстричь, – объяснил Тим.

– Ты сказал, что сможешь, да, Тим? – уточнил Рон.

– Да, завтра утром. Она обещала заплатить, и я подумал, что ты не станешь возражать.

Рон цинично смотрел на изысканно красивые черты сына. Если та леги, о которой идет речь, имеет виды на Тима, через пять минут общения с ним она про это забудет. Обычно, как только выяснялось, что Тим недоумок, женщины быстро теряли к нему интерес, но если это их не отталкивало, то очень скоро убеждались, что пытаться соблазнить Тима – пустая затея, поскольку он не представлял, зачем нужны женщины и что с ними делать. Рон научил сына ретироваться в ту же минуту, как женщина начинала проявлять признаки чрезмерного волнения или принималась флиртовать с ним. Тим от природы был пуглив, и ему можно было внушить страх к чему угодно.

– Пап, можно еще пива? – снова попросил Тим.

– Можно, сынок. Иди и скажи Флорри, чтоб налила тебе кружку. Ты это заслужил.

Керли Кэмпбелл и Дейв О’Брайен провожали Тима взглядами, пока его высокая стройная фигура не скрылась из виду.

– Черт возьми, Рон, мы с тобой знакомы двадцать лет, – произнес Керли, – а я так и не соображу, от кого Тиму досталась такая внешность.

– Не ты один – я тоже, – усмехнулся Рон. – Наверное, от какого-то предка, о котором мы и слыхом не слыхивали.

Около девяти отец и сын Мелвиллы покинули паб и быстрым шагом пошли мимо стадиона «Куджи» и стоявших в ряд ярко освещенных магазинчиков, увеселительных заведений и винных баров в дальнем конце парка. Рон вел сына коротким путем, чтобы праздношатающиеся проститутки, пожиравшие Тима алчными взглядами, не вздумали пристать к нему.

Дом Мелвиллов находился на Серф-стрит, но не в элитарном районе на вершине холма, где жил жокей Нобби Кларк, а в долине внизу. Они с легкостью преодолели склон, даже не сбив дыхание, поскольку оба работали строителями и находились в отличной физической форме, и свернули к самому обычному кирпичному дому на две семьи.

Женская половина Мелвиллов давно поужинала, но едва Рон и Тим вошли в дом через заднюю дверь, из гостиной на кухню вышла их встречать Эсме Мелвилл.

– Ваш ужин давно остыл, – заявила она без особого негодования.

– Ой, да ради бога, Эс. Ты всегда так говоришь, – улыбнулся Рон, усаживаясь за стол. – Что на ужин?

– Можно подумать, тебе не все равно, когда ты накачан пивом, – ответила Эсме. – Сегодня пятница, балбес. А что ты всегда ешь по пятницам, а? Я купила у Даго рыбу с жареным картофелем – как обычно.

– Здорово! Рыба с картошкой! – воскликнул Тим, расплывшись в улыбке. – Мам, я люблю рыбу с картошкой!

Мать с нежностью посмотрела на сына и взъерошила его густые волосы – единственное проявление ласки, на которое он мог рассчитывать с ее стороны.

– Что бы я тебе ни дала, милый, ты всегда говоришь, что это твое любимое. Ладно, ешьте.

Она со стуком поставила перед мужчинами тарелки с жирной рыбой, зажаренной в кляре, и мягким, на вид совершенно нехрустящим картофелем фри, а сама вернулась в гостиную – по телевизору шла очередная серия «Улицы Коронации», которую показывали уже в энный раз. Эсме обожала этот сериал про жизнь английского рабочего класса. Сидя перед телевизором, она думала про свой большой красивый дом с садом, про хорошую погоду, про теннис и пляж и от всего сердца жалела обитателей улицы Коронации. Если уж быть представителем рабочего класса, то только в Австралии.

Тим не сказал родителям про сэндвич с дерьмом, потому что уже напрочь забыл про него. Умыв рыбу с картошкой, они с отцом оставили пустые тарелки на столе и прошли в гостиную.

– Все, Эс, твое время вышло, – заявил Рон, переключая канал. – Сейчас по программе обзор крикетных матчей.

– Лучше б ты погулял чуток дольше, – вздохнула жена. – Тогда бы я посмотрела какой-нибудь фильм с Джоан Кроуфорд или еще что. А то сплошной спорт, спорт, спорт!

– Вот если Тим будет почаще брать подработку, я куплю тебе второй телевизор. – Рон скинул ботинки и вытянулся на диване во весь рост. – Где Дони?

– Наверное, с каким-нибудь парнем гуляет.

– С кем на этот раз?

– Откуда ж мне знать, милый? За нее я не волнуюсь. Она у нас умница, в обиду себя не даст.

Рон взглянул на сына.

– Эс, ну вот скажи: почему жизнь так несправедлива? У нас с тобой самый красивый парень во всем Сиднее, а толку с него? Только и способен что имя свое написать да до десяти сосчитать. И возьми Дони – умница, каких свет не видывал. Особо не учится, а университет может окончить с отличием.

Эсме, взяв вязанье, с грустью посмотрела на мужа. Бедняга Рон все понимал, но по-своему был добр к Тиму: опекал его, но не ходил за ним по пятам и не относился к нему как к ребенку. Разве он не брал его с собой пиво пить? Разве он не настоял, чтобы Тим зарабатывал на жизнь, как любой нормальный человек? Так и должно быть, ведь они с мужем уже не молоды: Рону почти семьдесят, она всего на полгода моложе. Потому Тим и родился дурачком, объяснили ей доктора. Сейчас ему двадцать пять, он их первенец. Им с Роном было далеко за сорок, когда она его родила. Доктора сказали, это как-то связано с увяданием яичников и с тем, что они долго пребывали в бездействии. А годом позже на свет появилась Дони, абсолютно нормальная. Так и бывает, подтвердили доктора. У женщины, которая начала рожать после сорока, первый ребенок самый проблемный.

Эсме остановила взгляд на сыне. У Тима было свое кресло, в котором он сейчас и сидел. Оно стояло рядом с телевизором: Тиму, как и всякому ребенку, хотелось буквально «залезть» в экран. Вон он сидит, думала Эсме, самый очаровательный, самый чудесный мальчик на свете, с сияющими глазами аплодирующий игрокам. Она вздохнула и, наверное, уже в миллионный раз задалась вопросом, что будет с Тимом, когда ее и Рона не станет. Разумеется, Дони придется его опекать. Она преданно любит брата, но ведь рано или поздно ей надоест учиться и она решит выйти замуж, а пожелает ли ее муж держать в своей семье такого, как Тим? Эсме сильно в этом сомневалась. Кому охота возиться со взрослым пятилетним ребенком, если он не твоя плоть и кровь?

Глава 6

Субботный день выдался таким же ясным и жарким, как и пятница, и Тим отправился в Артармон в шесть часов утра, одетый в футболку, строгие шорты и гольфы. Мать всегда следила, чтобы он был одет опрятно и имел в сумке чистые рабочие шорты, готовила ему завтрак, давала с собой сверток с едой на день и не отпускала из дому, не убедившись, что у него при себе достаточно денег, чтобы избежать любых возможных затруднений.

В семь часов Тим постучался в дом Мэри Хортон, которая еще крепко спала. Надев темно-серый халат поверх скромной пижамы из белого хлопка, босая, она зашлепала к двери, в раздражении убирая назад падавшие на лицо волосы.

– Бог мой, вы всегда являетесь в семь утра? – проворчала она, моргая, чтобы прогнать остатки сна.

– В это время мне положено приступить к работе, – ответил Тим с улыбкой.

– Ладно, раз уж вы здесь, покажу вам, что делать, – решила Мэри и, пройдя через патио, направилась к маленькой папоротниковой оранжерее.

Тим последовал за ней.

На самом деле под оранжерею было замаскировано хранилище садового инвентаря, инструментов и удобрений. Сразу же за дверью стоял аккуратно припаркованный садовый мини-трактор. Он был накрыт брезентом – на тот случай, если крыша прохудится. Но крыша, разумеется, не протекала, ведь строение принадлежало Мэри Хортон.

– Вот трактор, косильная дека к нему уже прикреплена. Сумеете им управлять?

Тим снял с трактора брезент и с любовью погладил его блестящую поверхность.

– Красивый!

Мэри подавила раздражение.

– Красивый или нет, работать на нем вы сможете, мистер Мелвилл?

– Конечно! Папа говорит, с техникой я очень хорошо управляюсь.

– Это радует, – язвительным тоном прокомментировала Мэри. – Мистер Мелвилл, вам еще что-то нужно?

Тим уставился на нее в изумлении.

– Почему вы зовете меня мистером Мелвиллом? Мистер Мелвилл – это мой отец. А я просто Тим.

«Боже! Совсем как ребенок!» – воскликнула про себя Мэри, а вслух сказала:

– Что ж, тогда приступайте. Если что-то понадобится, стукните в заднюю дверь.

– Хорошо, миссис! – с готовностью пообещал Тим улыбаясь.

– Я вам не миссис! – вспыхнула Мэри. – Меня зовут Хортон, мисс Хортон!

– Хорошо, мисс Хортон, – поправился Тим, ничуть не смутившись.

Когда Мэри вернулась в дом, сна уже не было ни в одном глазу, и она отмела всякую мысль о том, чтобы еще пару часов поваляться в постели. С минуты на минуту затарахтит трактор. Какой уж тут сон! Даже в самую сырую и жаркую погоду в доме, оборудованном системой центрального кондиционирования, всегда было прохладно и сухо, но Мэри, сделав тост с чаем, решила, что ей будет приятнее позавтракать на террасе, откуда она сможет присмотреть за новым садовником.

Она привела себя в порядок и облачилась в домашнюю униформу выходного дня – простое темно-серое идеально отглаженное хлопчатобумажное платье. Волосы, которые на ночь она заплетала в длинную косу, были собраны в узел на затылке. Мэри никогда не носила ни тапочек, ни сандалий даже на своем загородном участке близ Госфорда: как только вставала с постели, надевала компрессионные чулки и черные туфли.

Мэри расположилась у балюстрады за железным столиком, выкрашенным в белый цвет, и налила себе чашку чая. Газонокосилка монотонно жужжала уже минут двадцать. Тим стриг траву в дальнем конце участка, за которым начинался глиняный карьер. Действовал он неторопливо, методично, как, наверное, трудился под началом Гарри Маркема: закончив одну полосу, слезал с трактора, чтобы убедиться, что следующая полоса не наезжает на предыдущую. Мэри жевала тост и пила чай, не сводя глаз с его далекой фигуры. Не имея привычки предаваться самоанализу или копаться в себе, она даже не задавалась вопросом, почему так пристально за ним наблюдает, и ни на мгновение у нее не возникло мысли о том, что ее завороженность сродни влечению.

– Добрый день, мисс Хортон! – раздался хриплый голос миссис Паркер, а в следующую минуту она сама, в ярком цветастом платье, плюхнулась на свободный стул.

– Доброе утро, миссис Паркер. Чаю не желаете? – холодно предложила Мэри.

– Спасибо, милочка, не откажусь. Нет-нет, не вставайте. Чашку я сама возьму.

– Сидите, прошу вас. Мне все равно нужно заварить свежий чай.

Вернувшись на террасу со свежесваренным чаем и тостами, Мэри увидела, что миссис Паркер смотрит на Тима, подперев подбородок ладонью.

– Вы молодец, что попросили Тима подстричь вам газон. Хорошо придумали. Ваш-то газонокосильщик, я заметила, давненько не появлялся. Мне в этом плане повезло: сыновья помогают. Кто-нибудь из них непременно придет и подстрижет траву. А у вас ведь никого нет, да?

– Вчера, как вы и просили, я проследила, чтобы строители убрали за собой мусор. Тогда-то и познакомилась с Тимом. Его, как я понимаю, оставили одного наводить порядок. Помоему, он обрадовался, что я предложила ему немного подзаработать.

Последнюю фразу Мэри миссис Паркер пропустила мимо ушей.

– Жуки навозные! – сердито проворчала она. – Другого от них и не жди! Мало того, что целый день издевались над беднягой, так еще потом повесили на него всю грязную работу, а сами бегом в паб! И как только наглости у них хватило сказать мне, что они все придут и уберут за собой! У меня большое желание заплатить мистеру Гарри Маркему на двести долларов меньше!

Поставив чашку на стол, Мэри озадаченно посмотрела на соседку.

– Чем же он так вас разгневал, миссис Паркер?

Лилово-желтые фиалки на дородной груди пожилой женщины заколыхались.

– А вы бы не разгневались? Ах да, совсем забыла, что накануне вечером мы с вами не виделись и я не рассказала вам, что эти сволочи сотворили с несчастным мальчиком. Клянусь, порой я готова поубивать всех мужчин, что появились на этот свет! Они не проявляют ни сочувствия, ни понимания к сирым и убогим, если только те не пропойцы и не мерзавцы, как они сами. А к такому, как Тим, который старательно трудится и зарабатывает себе на жизнь, у них нет ни капли жалости. Они держат его за мальчика для битья, всячески над ним измываются, а у бедняги даже ума не хватает, чтобы это понять! Ну разве он виноват, что родился дурачком? А вообще-то это дикая несправедливость, да? Такой красавчик – и недоумок! Обидно до слез! Но вы послушайте, что они сделали с ним вчера во время утреннего перерыва...

Гнусавым вульгарным голосом, выдававшим в ней представительницу простонародья, миссис Паркер, причитая, поведала Мэри свою ужасную историю, но та слушала ее вполуха, неотрывно глядя на склоненную золотистую голову в дальнем конце участка.

Минувшим вечером Мэри перерыла все книжные полки в своей библиотеке в поисках лица, похожего на лицо Тима. «Боттичелли?» – предположила она. Но потом, найдя в одном из альбомов несколько репродукций художника, с презрением отказалась от сравнения. Лица на тех картинах были слишком изнеженными, слишком женоподобными, с некой неуловимой

лукавинкой. В конце концов, абсолютно неудовлетворенная, она бросила поиски. Только в чертах древнегреческих и древнеримских статуй она обнаружила некое сходство с Тимом – возможно, потому, что такой тип красоты легче запечатлеть в камне, чем на холсте. Тим был трехмерным творением. И она горько сожалела, что ее бесталанные руки не способны запечатлеть его образ.

Мэри была раздавлена непосильным грузом разочарования, ее душили слезы. Присутствия миссис Паркер она почти не замечала. «Какая коварная ирония судьбы», – досадовала Мэри. Оказывается, трагический рот и тоскливый недоумевающий взгляд Тима – это отнюдь не отпечаток его внутренних переживаний; искра сознания в этом юноше погасла задолго до того, как он мог бы столкнуться с горем или тяжелой утратой. Он был ничем не лучше собаки или кошки, которых держат потому, что они радуют глаз и слепо преданы любимым хозяевам. Однако домашнее животное не способно думать, не способно дать умный ответ или вызвать трепетный отклик в другом пытливом уме. Животное только и может, что быть рядом и любить. Что и делал Тим, дурачок Тим. Его обманом вынудили съесть экскременты, но его не стошнило, как это случилось бы с любым мыслящим существом; он просто заплакал, как завyla бы собака, и снова заулыбался, когда его пообещали угостить чем-то вкусеньким.

Бездетная, не знавшая любви Мэри Хортон вела серую жизнь, лишенную переживаний, поэтому ей было трудно оценить эту новую пугающую информацию о глупеньком Тиме. Недоразвитая эмоционально в той же мере, в какой он был отсталым в умственном плане, она даже представить не могла, что Тима можно любить за его умственную неполноценность и уж тем более невзирая на этот его изъян. Еще недавно она думала о нем, как, наверное, стареющий Сократ думал об Алкивиаде – юноше, наделенном исключительной физической красотой и блестящим умом. Мэри воображала, как знакомит Тима с произведениями Бетховена и Пруста, как развивает его интеллект, дабы он впитал в себя музыку, литературу и искусство и внутренне стал бы столь же прекрасным, каким был внешне. Но Тим был дурачком, жалким несмышленным недоумком.

Австралийцы о других судили с присущей им житейской грубостью, давая недостаткам хлесткие образные определения. Умственный потенциал они мерили деньгами и исчисляли в денежном эквиваленте. Об обделенном умом человеке говорили, что он не целый доллар, а лишь какая-то его часть, но во сколько бы ни оценивали интеллект несчастного – в девяносто центов или в десять, – целого доллара он все равно не стоил.

Миссис Паркер не замечала, что Мэри ее почти не слушает, и продолжала увлеченно разглагольствовать о бездушии мужчин, пить чай и отвечать на собственные вопросы, которые обходила молчанием ее соседка. Наконец она грузно поднялась из-за стола и попрощалась.

– До свиданья, милочка. Спасибо за чай. Если не найдете в своем холодильнике то, что ему по вкусу, пришлите Тима ко мне. Я его накормлю.

Мэри рассеянно кивнула. Гостья скрылась из виду, а мисс Хортон снова погрузилась в размышления о Тиме.

Посмотрев на часы, Мэри увидела, что уже почти девять, и вспомнила, что рабочие, трудившиеся на открытом воздухе, в это время устраивают перерыв. Она вернулась в дом, заварилла свежий чай, разморозила шоколадный торт и украсила его взбитыми сливками.

– Тим! – крикнула она, поставив поднос на стол под виноградником: солнце уже наползало на конек крыши, и сидеть за столиком у балюстрады было слишком жарко.

Он поднял голову, махнул ей рукой и заглушил трактор, чтобы слышать ее слова.

– Тим, иди выпей чаю!

Его лицо озарила щенячья радость. Он спрыгнул с трактора и бегом бросился к папоротниковой оранжерее, нырнул туда и вскоре снова появился с бумажным коричневым свертком в руке. Перескакивая сразу через две ступеньки, Тим поднялся в патио.

– Мисс Хортон, спасибо, что позвали меня, а то я не следил за временем, – довольным тоном поблагодарил он и, усевшись на указанный стул, смиренно ждал, когда ему разрешат есть.

– Тим, ты умеешь определять время по часам? – спросила Мэри, удивляясь мягкости своего голоса.

– Ой нет, не совсем. Я знаю, когда мне пора домой собираться: это когда большая стрелка наверху, а маленькая – на три деления ниже. В три часа. Но своих часов у меня нет. Папа говорит, я бы их потерял. Ну и ладно. Кто-нибудь мне всегда подскажет, когда перекур или обед и нужно заваривать чай или когда домой пора. Всем известно, что я не шибко умный и не стою целого доллара, поэтому разницы никакой.

– Да, пожалуй, – с грустью согласилась Мэри. – Ешь, Тим. Весь торт твой.

– Ой, здорово. Я люблю шоколадный торт, особенно со сливками, как этот! Спасибо, мисс Хортон!

– Как ты любишь пить чай, Тим?

– Без молока, и побольше сахара.

– Побольше – это сколько?

Тим оторвался от торта и наморщил лоб. Все его лицо было измазано сливками.

– Черт, не помню. Я просто сыплю в чашку сахар, и когда чай начинает переливаться на блюдце, значит, все, хватит.

– Тим, ты когда-нибудь ходил в школу? – осторожно полюбопытствовала Мэри, снова почувствовав к нему интерес.

– Недолго. Я не смог учиться, и мне разрешили не ходить. Я дома сидел, маме помогал.

– Но ведь ты понимаешь, что тебе говорят, и с трактором управляешься.

– Некоторые вещи мне даются легко, но читать и писать ужасно трудно, мисс Хортон.

Она встала, помешивая чай, и неожиданно для себя потрепала его по голове.

– Это ничего, Тим.

– Вот и мама так говорит.

Расправившись с тортом, он вспомнил про сэндвич, который принес из дому, и тоже его умял, а затем все запил чаем, осушив чашку в три больших глотка.

– Уфф! – выдохнул Тим, расплывшись в блаженной улыбке. – Спасибо, мисс Хортон, было очень вкусно!

– Меня зовут Мэри. «Мэри» произносить легче, чем «мисс Хортон», согласен? Так что зови меня просто Мэри.

Тим с сомнением посмотрел на нее.

– Думаете, так можно? Папа говорит, старых людей я должен называть «мистер», или «миссис», или «мисс».

– Иногда можно и по имени, если они твои друзья.

– У?

Она предприняла новую попытку, мысленно вычеркнув из своего лексикона все многосложные слова.

– Не такая уж я старая, Тим. Просто у меня седые волосы. Не думаю, что твой папа станет возражать, если ты будешь звать меня Мэри.

– Но если у вас седые волосы, значит, вы должны быть старой. Так ведь, Мэри? У папы волосы седые, и у мамы тоже седые, а они, я знаю, старые.

«Ему двадцать пять. Значит, его родители не намного старше меня», – рассудила про себя Мэри.

– Я моложе, чем они, – объяснила она. – Я еще не очень старая.

Тим поднялся из-за стола.

– Мне пора приниматься за работу. У вас очень большой газон, Мэри. Надеюсь, я успею подстричь его сегодня.

– Ну, не успеешь – не беда. Можешь прийти и закончить в любой другой день, если захочешь.

На лице Тима появилось задумчивое выражение.

– Да, я, наверное, хотел бы прийти, если папа не будет возражать. – Он улыбнулся ей. – Мэри, вы мне нравитесь. Вы мне нравитесь больше, чем Мик, или Гарри, или Джим, или Билл, или Керли и Дейв. Вы мне нравитесь больше всех, не считая папы, мамы и моей Дони. Вы красивая, и у вас такие чудесные седые волосы.

На Мэри нахлынули сотни различных чувств, которым она не могла подобрать определения. Силясь побороть их, она натянуто улыбнулась.

– Спасибо, Тим. Ты очень любезен.

– Пустяки, – беспечно бросил он, затем приставил к голове ладони, отключил зад и, шевеля пальцами, прыгнул с лестницы. – Это я так кролика изобразил, – крикнул он с газона.

– Очень похоже. Я поняла, что ты кролик, в ту же секунду, как ты запрыгал, – отозвалась Мэри, собрала со стола посуду и понесла ее в дом.

Ей было безумно трудно вести разговор с Тимом как с маленьким, ибо Мэри Хортон не общалась с детьми с тех самых пор, как сама перестала быть ребенком, да и ребенком-то она, в сущности, по-настоящему никогда не была. Но ей хватало чуткости понять, что Тима легко обидеть и что она должна следить за своей речью, контролировать свой вспыльчивый нрав, обуздывать раздражение, ведь если она даст волю язвительности, он мгновенно почувствует сарказм, хоть смысла слов, возможно, и не уловит. Вспомнив, что накануне вспылила на Тима из-за его нарочитой, как ей показалось, тупости, Мэри чуть не сгорела от стыда. Бедняга Тим. Он совершенно не способен распознавать нюансы и намеки взрослой речи, но при этом очень раним. Она ему понравилась. Он считает ее красивой, потому что у нее седые волосы, как у его родителей.

Почему у него на губах лежит печать горечи, ведь он так мало знает, и его жизнь ограничена весьма узкими рамками?

Мэри выехала из гаража и отправилась в супермаркет купить кое-что к обеду, поскольку в доме не было ничего такого, что понравилось бы Тиму. Шоколадный торт она припасла на случай непредвиденных гостей, сливки по ошибке оставил ей молочник. Она знала, что Тим принес с собой что-то на обед, но, возможно, этим он не наестся или же соблазнится чем-то вроде гамбургеров или хот-догов – традиционным угощением на детских вечеринках.

– Тим, ты когда-нибудь бывал на рыбалке? – спросила она его за обедом.

– Да. Я люблю рыбачить, – ответил он, принимаясь за третий хот-дог. – Папа иногда берет меня на рыбалку, когда не очень занят.

– И часто он бывает занят?

– Ну, он ходит на скачки, на крикет, на футбол, все такое. Я туда с ним не хожу, мне становится плохо в толпе. От шума и толпы людей вокруг у меня болит голова и живот крутит.

– Что ж, надо как-нибудь свозить тебя на рыбалку, – сказала Мэри, и на этом разговор был завершен.

Часам к трем пополудни Тим закончил стричь траву на заднем дворе и пришел спросить, можно ли ему приниматься за сад. Мэри посмотрела на часы.

– Думаю, Тим, сад мы сегодня трогать не будем. Тебе пора домой. Может, придешь в следующую субботу и доделаешь, если папа тебя отпустит?

– Хорошо, Мэри, приду, – радостно закивал он.

– Тим, заberi из сарая свою сумку. Переоденешься и приведешь себя в порядок в моей ванной.

Интерьер ее дома, строгий и элегантный, его заворожил. Босой, он бродил по гостиной в серых тонах, пальцами ног зарываясь в густой ворс шерстяного ковра и поглаживая жем-

чужно-серую бархатную обивку мебели. При этом с его лица не сходило выражение, близкое к экстазу.

– Мэри, мне так нравится ваш дом! – восторженно произнес Тим. – Здесь все такое мягкое и прохладное!

– Пойдем посмотришь мою библиотеку. – Ей так хотелось показать ему свою гордость, свою отраду, что она взяла его за руку.

Но библиотека не произвела на Тима должного впечатления – напротив, он испугался и чуть не заплакал.

– Столько книг! – содрогнулся Тим, не желая задерживаться в этой комнате, хотя и видел, что его реакция расстроила Мэри.

Она несколько минут увещевала юношу, пытаясь избавить от этой странной боязни книг, а после старалась не повторять своей ошибки и не знакомить его ни с чем интеллектуальным.

Оправившись и от первоначального восторга, и от смятения, Тим вдруг проявил критические способности и упрекнул Мэри за то, что ее дом лишен ярких красок.

– Мэри, у вас так приятно, но все одного цвета! – возмутился он. – Почему в доме нет ничего красного? Мне нравится красный цвет!

– Ты можешь сказать, какого она цвета? – спросила мисс Хортон, показывая ему книжную закладку из красного шелка.

– Красного, конечно, – презрительно фыркнул он.

– Ладно, что-нибудь придумаем, – пообещала она.

Мэри вручила Тиму конверт с тридцатью долларами – таких денег не зарабатывал ни один разнорабочий в Сиднее.

– В конверте листочек с моим адресом и телефоном. Отдай это отцу, когда придешь домой, – наказала она, – чтобы он знал, где я живу и как со мной связаться. Ты ведь не забудешь ему отдать, да?

– Я никогда ничего не забываю, если мне хорошо объяснили, – ответил он, глядя на нее с обидой во взоре.

– Прости, Тим, я не хотела тебя обидеть, – улыбнулась Мэри Хортон, которая никогда не задумывалась о том, что ее слова могут кого-то задеть.

Не то чтобы она имела привычку намеренно обижать людей словами. Мэри Хортон избегала говорить обидные вещи из соображений такта, дипломатичности и воспитанности, а не потому, что боялась причинить боль.

Тим не захотел, чтобы она подвезла его до железнодорожного вокзала. Стоя на крыльце, Мэри помахала ему на прощание. Когда он отошел от дома на несколько ярдов, она прошла к калитке и, перегнувшись через нее, провожала его взглядом, пока Тим не скрылся за углом.

Любой, кто встретил бы его, подумал: «Какой красивый, пышущий здоровьем парень!» Крепкий, видный, он шел по жизни широким шагом, и весь мир лежал у его ног. Насмешка богов, думала Мэри. В духе греческих бессмертных, которые любили подшутить над своим творением – человеком, когда тот зазнавался и забывал, чем он им обязан. Тим Мелвилл должен вызывать у них гомерический хохот!

Глава 7

В субботу Рон, как всегда, коротал время в пабе «Взморье», только пришел туда раньше обычного. Сначала, загрузив пивом сумку-холодильник, он отправился на крикетный матч – в шортах, сандалиях и рубашке, которую не стал застегивать, чтоб обдувал ветерок. Однако Керли с Дейвом на игру не явились, а в одиночку дремать под солнцем на травянистом холме у крикетного поля – удовольствие небольшое. Он проторчал там пару часов, но игра развивалась в своем обычном медленном темпе, а обе лошади, на которых он поставил на ипподроме в Уорик-Фарме, пришли последними. Так что около трех Рон убрал пиво в сумку, прихватил радиоприемник и, повинувшись безошибочному чутью ищейки, двинулся во «Взморье». У него даже мысли не возникло, чтобы пойти домой, так как там никого не было. По субботам после полудня Эс со своими подружками играла в теннис в их местном «потешном» клубе, как он его называл. Тим находился на работе, а Дони где-то шастала с одним из своих бойфрендов-умников.

Тим прибыл в паб в начале пятого. Рон очень обрадовался сыну и купил ему кружку пива.

– Ну, как дела, малыш? – полюбопытствовал он.

Прислонившись к колонне, они оба смотрели на море.

– Ой, все так здорово, папа! Мэри очень хорошая леди.

– Мэри? – вздрогнул Рон и озабоченно посмотрел на сына.

– Мисс Хортон. Она велела называть ее Мэри. Я засомневался, но она сказала, что так можно. Пап, ведь можно, да? – спросил Тим, обеспокоенный реакцией отца.

– Не знаю, малыш. Какая она, эта Мэри Хортон?

– Она добрая, папа. Она мне столько вкусностей дала и дом свой показала. Представляешь, там всюду кондиционеры работают! А мебель у нее какая красивая, и ковер тоже. Только все серого цвета. Вот я и спросил у нее, почему в доме нет ничего красного, и она сказала, что попробует это исправить.

– Она тебя трогала, малыш?

– Трогала? – Тим непонимающе уставился на отца. – Ну, не знаю! Кажется, да. Она взяла меня за руку, когда показывала свои книги. – Он скривился. – Мне ее книги не понравились, их так много.

– Она симпатичная?

– Ага, симпатичная! Пап, у нее такие красивые седые волосы, прямо как у тебя и у мамы, только еще белее. Вот я и засомневался, что ее можно называть Мэри. Вы ведь с мамой всегда говорите мне, что невежливо пожилых людей называть по имени.

– А-а! – с облегчением выдохнул Рон, шутливо хлопнув сына по плечу. – Ох и напугал же ты меня, приятель. Так значит, она старая?

– Да.

– Она заплатила тебе, как обещала?

– Да, деньги здесь, в конверте. И еще там бумажка с ее телефоном и адресом. Она велела, чтобы я отдал это тебе, – вдруг ты захочешь с ней поговорить. Только разве ты захочешь с ней разговаривать? Зачем тебе с ней разговаривать, а, пап?

Рон забрал у сына конверт.

– Я не собираюсь с ней разговаривать, малыш. Ты закончил там работу?

– Нет, у нее очень большой газон. Она просила, чтобы я пришел в следующую субботу и подстриг траву еще в саду, если ты меня отпустишь.

В конверте лежали три новенькие хрустящие десятидолларовые купюры. Рон смотрел на деньги, на записку, написанную твердым почерком, который явно принадлежал властной образованной женщине. У глупых молодых девчонок и одиноких домохозяек почерк не такой,

рассудил он. Тридцать долларов за день работы в саду! Рон убрал банкноты в бумажник и похлопал сына по спине.

– Ты молодец, малыш. Если хочешь, в следующую субботу возвращайся туда и докоси ее газон. Вообще-то за те деньги, что она тебе платит, ты можешь работать у нее в любое время, когда бы она тебя ни позвала.

– Ура! Спасибо, папа! – Тим повертел в руках кружку, показывая отцу, что она пуста. – Можно мне еще пива?

– Что ж ты никак не научишься пить медленно, а, Тим?

– Ой, опять забыл! – скулсил он. – Пап, я правда собирался пить медленно, но пиво такое вкусное, вот я и забыл.

Рон мгновенно пожалел, что выплеснул на сына свое минутное раздражение.

– Пустяки, малыш, не переживай. Иди попроси Флорри налить тебе еще кружку портера.

Очень крепкое, как и все австралийские сорта, пиво, казалось, не производит на Тима никакого эффекта. У иных дебилов голову сносило от одного запаха грога, недоумевал Рон, а Тим был способен перепить родного отца да еще потом и домой его притащить, – вообще не пьянел.

– Кто эта Мэри Хортон? – поинтересовалась Эс вечером, после того как Тима уложили спать.

– Какая-то старая гусыня из Артармона.

– Тим к ней очень привязался, да?

Рон подумал про тридцать долларов, что лежали в его бумажнике, и обратил на жену ласковый взгляд.

– Пожалуй. Она хорошо к нему относится, так пусть лучше по субботам занимается ее садом, чем озорничает.

– И тогда он не будет мешать тебе таскаться по пабам и ипподромам со своими друзьями. Наученная многолетним опытом, жена истолковала его слова по-своему.

– Черт побери, Эс, ну и поганый же у тебя язык!

– Ха! – фыркнула она, отложив вязанье. – Правда глаза колет, да? Она ему хоть заплатила?

– Несколько долларов.

– Которые ты, конечно же, благополучно прикарманил.

– Да там и прикарманить-то было нечего. Сколько, по-твоему, можно получить за стрижку газона на тракторе, подозрительная ты карга? Состояния не сколотишь, это уж как пить дать!

– Пока у меня есть деньги на домашнее хозяйство, мне плевать, сколько она ему заплатила! – Эсме встала и потянулась. – Чаю хочешь, милый?

– Не откажусь. Где Дони?

– А мне почем знать? Ей двадцать четыре, она сама себе хозяйка.

– Пока не стала чьей-то любовницей!

– У детей свои представления о жизни, – пожала плечами Эс, – и ничего тут не попишешь.

А ты попробуй спроси у Дони, где она была и с кем обжималась.

Рон последовал за женой на кухню, ласково похлопывая ее по мягкому месту.

– Боже упаси! Она уж как глянет на тебя свысока да как разразится потоком непонятных слов, сразу себя дураком почувствуешь.

– Эх, Рон, милый, если б только Господь чуть справедливее распределил мозги между нашими детьми, – вздохнула Эс, ставя кипятиться чайник. – Тиму дал бы чуть больше, Дони – чуть меньше. И тогда у обоих все было бы в порядке.

– Что уж горевать о непоправимом, старушка ты моя. Пирог у нас есть?

– С фруктами или с тмином?

– С тмином, любимая.

Устроившись друг против друга за кухонным столом, они на пару уговорили полпирого с тмином и выпили по шесть чашек чая.

Глава 8

Благодаря самодисциплине Мэри Хортон благополучно отработала очередную неделю в «Констебль Стил энд Майнинг», словно Тим Мелвилл никогда и не входил в ее жизнь. Как обычно, она раздевалась перед тем, как пойти в туалет, эффективно исполняла обязанности личного секретаря Арчи Джонсона и устраивала разнос машинисткам, курьерам и клеркам, коих в ее подчинении находилось в общей сложности семнадцать человек. Но по вечерам она уже не блаженствовала в библиотеке, как раньше, а все время проводила на кухне, изучая кулинарные книги и экспериментируя с тортами, кремами и пудингами. Осторожно расспросив Эмили Паркер про Тима, Мэри получила представление о его пристрастиях в еде и собиралась к субботе приготовить разнообразные лакомства.

В один из будних дней во время обеденного перерыва она наведлась в мебельный магазин в северной части Сиднея, где купила очень дорогой стеклянный журнальный столик рубинового цвета и в тон к нему подобрала оттоманку с обивкой из кроваво-красного бархата. Поначалу, натываясь взглядом на эти два ярких пятна в гостиной, Мэри вздрагивала, но, попривыкнув, была вынуждена признать, что столик и оттоманка оживляют комнату. От жемчужно-серых стен внезапно повеяло теплом, и Мэри невольно подумалось, что у Тима, как и у многих слабоумных, от природы тонкое чувство прекрасного. Возможно, когда-нибудь она начнет его водить по художественным галереям и посмотрит, как он воспринимает произведения искусства.

В ту пятницу она легла спать уже поздно ночью: все ждала, что с минуты на минуту позвонит отец Тима и заявит, что он против того, чтобы его сын горбатился в ее саду в драгоценные выходные, – но тот так и не позвонил, а на следующее утро, ровно в семь, из глубокого сна ее вывел стук в дверь. На этот раз Мэри пригласила Тима в дом и предложила выпить чаю, пока она одевается.

– Нет, спасибо, я сыт, – ответил он с сияющими глазами.

– Тогда можешь переодеться в маленьком туалете рядом с прачечной. А я сейчас приведу себя в порядок и покажу, что нужно сделать в палисаднике.

Через несколько минут, бесшумно ступая, Мэри вернулась на кухню. Тим не слышал ее приближения, и, остановившись в дверях, она наблюдала за ним, вновь пораженная его красотой. Какая вопиющая несправедливость, подумала Мэри, что под такой совершенной оболочкой скрывается столь примитивное существо, но тут же устыдилась своих мыслей. Возможно, в этом и заключается *raison d'être*² его красоты: путь Тима к греху и бесчестию был прерван в пору невинности раннего детства. Если бы Тим развивался и выросл подобно всякому нормальному человеку, то, наверное, и выглядел бы теперь совсем иначе – как подлинное творение Боттичелли: с его лица не сходила бы самодовольная улыбка, а в глубине ясных синих глаз таились искушенность и хитринка. Тим совершенно не походил на взрослого человека, разве что внешне.

– Пойдем, Тим, я объясню, что ты должен сделать в палисаднике, – наконец произнесла она, нарушая очарование мгновения.

На улице в листве каждого куста, каждого дерева визжали и вопили цикады. Мэри, глядя на Тима, зажала ладонями уши и поморщилась, затем решительно направилась к своему единственному оружию – шлангу.

– Цикады в этом году словно с ума посходили. На моей памяти такое впервые, – сказала она.

Шум уже немного стих, а с пышных олеандров на дорожку капала вода.

² Зд.: разумное основание (фр.).

«Бриииик!» – просвиристел басом хормейстер, после того как все остальные умолкли.

– Ну вот опять! Хулиган! – Мэри подошла к кусту олеандра, что рос ближе остальных к крыльцу, раздвинула мокрые ветки и стала осматривать их. – Никак не удастся его найти, – посетовала она, присев на корточки, и улыбнулась стоявшему сзади Тиму.

– Хотите поймать? – серьезно спросил он.

– Еще как! Он у них запевала, без него они немые.

– Сейчас достану.

Нагнувшись, Тим скользнул в листву, скрывшись в ней по пояс. Сегодня он вышел работать без ботинок и носков, поскольку в палисаднике не было бетонного покрытия, о которое он мог бы поранить ступни, и к его ногам прилипла сырая земля.

«Бриииик!» – пробасил самец. Видимо, он уже достаточно обсох и решил попробовать голос.

– Поймал! – крикнул Тим, выбираясь из куста. В правой руке он что-то прятал.

Мэри цикад никогда не видела: только иногда находила в траве их сброшенные бурые панцири, – поэтому с некоторой опаской придвинулась к Тиму, ибо, как и многие женщины, боялась пауков, жуков и ползучих холоднокровных гадов.

– Вот, смотрите! – с гордостью произнес Тим, медленно раскрывая ладонь, пока цикада, которую он придерживал за кончики крыльев указательным и большим пальцами, не показалась полностью.

– Брр! – содрогнулась Мэри и отшатнулась, даже толком не взглянув на насекомое.

– Мэри, да вы не бойтесь, – умоляющим тоном произнес Тим и, улыбаясь, нежно погладил цикаду. – Смотрите, какая она хорошая. Зелененькая вся, красивая, как бабочка.

Его золотистая голова склонилась над цикадой, и Мэри, глядя на него, почувствовала, как грудь внезапно сдавило от щемящей жалости. Казалось, Тим нашел взаимопонимание с насекомым, ибо оно лежало в его ладони, не выказывая ни страха, ни паники. А цикада, если не обращать внимания на ее марсианские антенны-усики и панцирь, как у ракообразных, и впрямь была прекрасна. Толстое тельце примерно два дюйма длиной, ярко-зеленое, как будто припудренное золотым порошком; глаза искрятся и блестят словно два больших топаза. На спинке – все еще сложенные тонкие прозрачные крылышки, испещренные, как древесный лист, яркими золотистыми прожилками, которые переливались всеми цветами радуги. И над цикадой, сидя на корточках, склонялся Тим – такой же чуждый и прекрасный.

– Вы же не хотите, чтобы я ее убил? – взмолился Тим. Его взгляд, обращенный на нее снизу вверх, вдруг наполнился печалью.

– Нет, – ответила она отворачиваясь. – Посади ее снова на куст, Тим.

К обеду он привел в порядок весь палисадник. Мэри дала ему два гамбургера и горю картофеля фри, а на десерт – приготовленный на пару горячий пудинг с джемом и горячим банановым кремом.

– Мэри, кажется, я все сделал, – заявил Тим, допивая третью чашку чая. – Эх, жаль, что вся работа выполнена. – Он смотрел на нее, не отрывая широко распахнутых глаз. – Мэри, вы мне нравитесь, – снова начал Тим. – Вы мне нравитесь больше, чем Мик, Гарри, Джим, Билл, Керли и Дейв. Вы мне нравитесь больше всех, не считая папы, мамы и моей Дони.

Она потрепала его по руке и ласково улыбнулась.

– Мне приятно это слышать от тебя, Тим. Ты очень любезен, но, думаю, это не совсем так. Мы с тобой очень мало знакомы.

– Жаль, что весь газон уже подстрижен, – вздохнул он, никак не отреагировав на ее замечание.

– Тим, трава имеет обыкновение вырастать.

– У? – Этот короткий звук, произнесенный с вопросительной интонацией, сигнализировал, что некие действия или слова были выше его понимания и надо сбавить обороты.

– А клумбы полоть ты умеешь так же хорошо, как стрижешь газон?

– Наверное. Папа мне всегда поручает эту работу.

– В таком случае не хотел бы ты по субботам приходить сюда и ухаживать за моим садом?

Стричь траву, если нужно, высаживать рассаду, пропалывать клумбы, поливать кусты, подравнивать растения вдоль дорожек, удобрять почву.

Расплывшись в улыбке, он схватил руку мисс Хортон и стал трясти.

– С удовольствием, Мэри! Я буду каждую субботу приходить к вам и ухаживать за вашим садом. Обещаю, я буду ухаживать за вашим садом!

Уходя домой, Тим опять уносил в конверте тридцать долларов.

Глава 9

Тим отработал у Мэри Хортон пять суббот, и однажды в четверг поздно вечером она позвонила домой Мелвиллам. Трубку снял Рон.

– Да?

– Добрый вечер, мистер Мелвилл. Вас беспокоит Мэри Хортон, субботний друг Тима.

Рон мгновенно встрепенулся и поманил к телефону Эс, чтобы она тоже послушала разговор.

– О, мисс Хортон! Рад слышать вас. Как Тим работает? Справляется?

– Я вполне довольна его работой, мистер Мелвилл. И мне приятно его общество.

Рон смущенно хмыкнул.

– Из рассказов сына я понял, что он вас сильно объедает, мисс Хортон.

– Что вы, вовсе нет. Я рада, что у него хороший аппетит, мистер Мелвилл.

Последовала неловкая пауза.

– Так что случилось-то, мисс Хортон? – наконец нарушил молчание Рон. – Тим не нужен вам на этой неделе?

– И да и нет, мистер Мелвилл. Дело в том, что в эти выходные мне необходимо съездить в Госфорд – проверить состояние загородного дома. Боюсь, он пришел в запустение, пока я занималась садом. Вот я и хотела узнать: вы не против, если я возьму Тима с собой, в помощь? Еще одна пара рук мне не помешала бы, а Тим очень добросовестный работник. Госфорд – тихое место, и я даю вам слово, что там он не столкнется с посторонними людьми и не будет подвержен нежелательным стрессам. Тим говорил мне, что любит рыбачить, а там неподалеку самые лучшие в округе места для рыбалки, и я подумала, что, может быть... может быть, он заодно и рыбу половит в свое удовольствие. По-моему, визиты ко мне ему по душе, ну и мне тоже нравится его общество.

Рон выгнул бровь, глядя на Эс. Та энергично закивала и взяла трубку.

– Здравствуйте, мисс Хортон. С вами говорит мама Тима... Да, очень хорошо, спасибо. А вы как поживаете?... О, приятно это слышать... Мисс Хортон, спасибо, что вы пригласили Тима поехать с вами на выходные. Вы очень чуткая женщина... Да, ему немного одиноко. Такому бедняге, как он, нелегко приходится, вы же понимаете... Я не вижу причин не отпустить Тима с вами. Думаю, смена обстановки пойдет ему на пользу... Да, он к вам очень привязался... Ну все, я передаю трубку мужу. Мисс Хортон, спасибо вам, огромное спасибо.

– Мисс Хортон? – обратился к Мэри Рон, выхватив у жены трубку. – В общем, вы слышали, что сказала моя старушка: она не возражает. Ну а если она не против, я тем более. Попробуй с ней не согласишься! Ха-ха-ха! Да, вы правы! Хорошо, я прослежу, чтобы он собрал сумку с вещами и в субботу утром был у вашего дома в семь часов... Хорошо, мисс Хортон, большое, большое спасибо... До свидания. Еще раз спасибо.

Мэри планировала поездку за шестьдесят миль как пикник, а потому набила машину провизией и предметами для досуга и комфорта, которых, как она думала, могло не найтись в загородном коттедже.

В субботу ровно в семь утра Тим стоял на пороге ее дома. Вторые выходные подряд ничто не предвещало дождя, день обещал быть ясным и солнечным. Мэри тотчас же повела Тима к гаражу.

– Садись в машину, Тим, располагайся. Как самочувствие? Все хорошо?

– Все хорошо, – ответил он.

– Мой дом находится не в самом Госфорде, – сообщила она, ведя автомобиль по Тихоокеанскому шоссе в направлении Ньюкасла. – Живя и работая в городе, я не захотела еще и отдых проводить среди людских толп, и потому купила участок вдали от населенных пунктов

на берегу Хоксбери, близ залива Брокен, но нам придется заехать в Госфорд: оттуда начинается дорога, которая ведет к моему коттеджу. Ты не представляешь, как разросся Госфорд! Я помню его еще в ту пору, когда там были всего один паб и один гараж, а жили два человека и собака. Но теперь там полно и жителей, и отдыхающих: должно быть, никак не меньше шестидесяти тысяч...

Внезапно занервничав, Мэри умолкла на полуслове и в смущении искоса посмотрела на Тима. Ну вот, она пытается вести с ним беседу как с нормальным человеком, будто он такой же, как его мать, например. Тим, со своей стороны, старался быть заинтересованным слушателем. Он то и дело отрывал замороженный взгляд от мелькавших за окном пейзажей и останавливал его на профиле мисс Хортон. Ясные синие глаза были наполнены любовью.

– Бедняга Тим, – вздохнула Мэри. – Не обращай на меня внимания. Просто расслабься и смотри в окно.

Долгое время они ехали молча. Было видно, что Тим наслаждается путешествием. Отвернувшись, чуть ли не носом прижимаясь к стеклу, он смотрел во все глаза, не упуская ни единой детали. И она невольно задалась вопросами: а насколько разнообразна его жизнь и как часто его вырывали из привычных рамок унылого, по всей вероятности, существования?

– Тим, у твоего отца есть машина?

На этот раз он даже не удосужился повернуться и, продолжая смотреть в окно, ответил:

– Нет. Он говорит, что иметь машину в городе – это пустая трата времени и денег, что для здоровья куда полезнее ходить пешком, а если надо куда-то доехать, проще сесть в автобус.

– Кто-нибудь катал тебя на машине?

– Редко. Меня в машине укачивает.

Мэри обеспокоенно воззрилась на него.

– А сейчас ты как себя чувствуешь? Тошнит?

– Нет. Мне хорошо. Этот автомобиль не подпрыгивает, как многие другие машины. И потом, я ведь впереди сижу, а не сзади, а спереди меньше трясет, правда?

– Точно, Тим! Ты совершенно прав. Но если тебе станет плохо, пожалуйста, сразу скажи мне, ладно? Будет неприятно, если тебя стошнит прямо в машине.

– Непременно, Мэри. Обещаю. Потому что вы никогда не кричите и не злитесь на меня.

– Ой, будет тебе, Тим, – рассмеялась она. – Не строй из себя мученика. Я абсолютно уверена, что на тебя не так уж часто кричат и злятся, – только если ты того заслуживаешь.

– Ну да, – улыбнулся он. – Но мама очень ругается, если меня вдруг стошнит прямо в комнате.

– Ничего удивительного. Я бы тоже разозлилась. Так что предупреди, если тебя затошнит, и дождись, когда я остановлю машину и ты выйдешь на свежий воздух. Договорились?

– Договорились, Мэри.

Спустя некоторое время она снова спросила:

– Тим, ты когда-нибудь выезжал за город?

Он покачал головой.

– Почему?

– Не знаю. Наверное, мама с папой считают, что за городом смотреть нечего.

– А Дони?

– Моя Дони всюду ездит, даже в Англии была. – Он произнес это так, будто Англия где-то рядом, за углом.

– А когда ты был маленький, разве вы никуда не ездили в отпуск?

– Мы всегда проводим отпуск дома. Мама с папой не любят буш³, им только в городе нравится.

³ Буш – местность, состоящая из кустарников и низкорослых деревьев. – *Примеч. ред.*

– Что ж, Тим, я очень часто бываю в загородном доме, и ты всегда можешь ездить со мной. Может быть, позже я свожу тебя на настоящий отдых – в пустыню или на Большой Барьерный риф.

Но он уже не слушал ее, ибо они подъезжали к реке Хоксбери и перед ними открывался изумительный вид.

– Ой как красиво, да? – воскликнул Тим. Вертясь на сиденье, он судорожно сжимал ладони, как делал всегда, когда был чем-то тронут или расстроен.

Внезапная боль – незнакомая, чужеродная, непонятно откуда взявшаяся – заставила Мэри забыть обо всем. Бедный, несчастный юноша! Все в его жизни было направлено на то, чтобы помешать ему развиваться умственно и духовно. Да, родители любили его, заботились о нем, но их мирок был тесен и ограничивался горизонтами Сиднея. Они не сознавали, что у Тима вообще нет надежды на то, чтобы вести полноценную жизнь, какую вели они, и Мэри не решалась осуждать их за это. Им попросту не приходило в голову задуматься о том, а счастлив ли он, потому что он был счастлив. Но мог бы он стать еще счастливее? Какой бы он был, если б освободился от цепей их рутинного образа жизни?

Мэри было невероятно трудно свести воедино все свои чувства к Тиму: порой она воспринимала его как маленького ребенка, а в другой раз, видя его физическое величие, – как взрослого мужчину. Мисс Хортон вообще давалось с трудом испытывать какие-либо чувства, ведь доселе на протяжении долгого времени она не жила, а просто существовала. Ей было сложно отличать жалость от любви, гнев от покровительства. Они с Тимом были как Свенгали и Трильби⁴, с той лишь разницей, что исполняли строго противоположные роли: глупость завораживала ум.

С тех пор как Мэри впервые увидела Тима несколько недель назад, она старалась все время что-то делать, чем-то заниматься, чтобы не погружаться в размышления. Она никогда не позволяла себе просто сидеть в тихой задумчивости, ибо от природы не имела склонности к самокопанию, анализу того, что чувствует, как и почему. Даже теперь мисс Хортон не пыталась разобраться в себе, не осмеливалась найти источник своей боли и понять ее причину.

Загородный дом стоял в уединенном месте, до ближайших соседей – около двух миль. Единственная дорога, которая вела к участку, была отвратительной и представляла собой проселок, прорезавший эвкалиптовый лес. В дождь грунт развозило так, что проехать по ней было невозможно; в сухую погоду из-под колес столбом поднималась пыль и оседая на кустах и деревьях, превращала их в бурые скелетообразные окаменелости. Изрытая выбоинами и камнями, эта дорога грозила развалить даже самый крепкий автомобиль, поэтому мало у кого возникало желание ради тишины и покоя подвергнуть себя таким неудобствам.

Мэри принадлежал один из самых больших земельных участков в этом районе – акров двадцать. Она купила его, понимая, что в будущем разрастание города приведет к застройке этой территории и принесет ей фантастическую прибыль. А пока это время не наступило, участок служил ей отдушиной, где она удовлетворяла свою потребность в уединении.

От дороги, ныряя в деревья, ответвлялась наезженная колея. Здесь начиналась земля Мэри. Она съехала на эту колею и покатила через восхитительно красивый буш, девственный, не тронутый цивилизацией, наполненный чудесными ароматами. Через полмили показалась широкая поляна, с противоположной стороны граничившая с крошечным, не более сотни ярдов в длину, пляжем. Дальше блестела река Хоксбери, в этом месте еще соленая, с приливами и отливами. Широкой лентой она вилась меж известняковых скал.

⁴ Свенгали и Трильби – персонажи романа английского писателя Джорджа Дюморье (1834–1896) «Трильби» (1894). Свенгали – музыкант, обладавший магическим воздействием на людей; натурщицу Трильби сделал знаменитой певицей, однако после его смерти она лишилась голоса.

Коттедж выглядел непритязательно – небольшое квадратное строение с рифленой железной крышей и широкой открытой верандой по периметру дома. Мэри, не терпевшая беспорядка и небрежения, регулярно его красила, однако выбранная ею унылая коричневая краска не добавляла дому привлекательности. С задней стороны, обращенной на дорогу, были установлены огромные резервуары для воды. Деревья, посаженные на поляне, наконец-то выросли настолько, что местность не казалась голой. Повсюду росла высокая трава, но в целом, несмотря на все изъяны, у этого места, вне сомнения, было своеобразное очарование.

Мэри обзавелась участком пятнадцать лет назад и с тех пор вложила в него кучу денег. Оснастила дом современной водопроводно-канализационной системой, провела электричество, чтобы не пользоваться керосиновыми лампами и не топить камин. Мэри не импонировали ни камин, ни свечи, ни уж тем более туалет во дворе, ибо все это подразумевало дополнительные усилия и неудобство.

Со стороны дороги коттедж выглядел не самым лучшим образом, но Тим был заморожен. Мэри не без труда заставила его выбраться из автомобиля и войти в дом.

– Это твоя комната, Тим. – Она завела его в довольно безликую, но просторную спальню с белыми стенами и мебелью, которая больше походила на монашескую келью. – Я подумала, если тебе понравится приезжать сюда, мы могли бы перекрасить ее в тот цвет, какой ты захочешь, и обставить мебелью, которую ты сам выберешь. Как-нибудь сходим в магазин в городе и купим.

Тим не отвечал – не мог. Его переполняло волнение. Столько новых впечатлений! Он был не в состоянии совладать со своим восторгом. Мэри помогла ему распаковать сумку и убрать вещи в шкафы, а затем, взяв за руку, повела в гостиную.

Здесь мисс Хортон произвела глобальные перемены, затронувшие даже конструкцию дома. Когда-то гостиная представляла собой мрачное помещение во всю длину фасадной стены, куда едва-едва проникал дневной свет. Мэри снесла стену и заменила ее раздвижными стеклянными дверями от пола до потолка. Теперь в любую погоду можно было любоваться природой, не выходя из дома.

Вид, открывавшийся из гостиной, захватывал дух. Травянистый склон спускался к заливному солнцем, идеально чистому пляжу с ярко-желтым песком, который лизали синие воды Хоксбери, а на противоположном берегу взмывали ввысь к ясному небу восхитительные скалы в роскошных коронах из зеленого леса. Звуки, возвещающие о присутствии человека, исходили только от воды: тархтение лодок с подвесными моторами, пыхтение экскурсионных паромов, рев быстроходных катеров, буксирующих водных лыжников, – но в деревьях пели и щебетали птицы, оглушительно стрекотали цикады, в шелестящей листве тихо постанывал ветер.

Прежде Мэри никогда никого не приглашала в загородный дом, но нередко проигрывала в уме воображаемые беседы, которые вела бы с гостями. Они бы восклицали, восхищались видом, бесконечно отпускали замечания по поводу каждой мелочи, а Тим молчал. Она понятия не имела, способен ли он вообще давать чему-то оценку. Совершенно очевидно, что вид из гостиной он находил красивым, но в его восприятии красиво – все, что не делало его несчастным. Способен ли Тим различать степени счастья? Чему-то радоваться больше, чему-то – меньше?

Мэри распаковала свои вещи, разложила продукты на кухне и приготовила обед. Во время обеда Тим говорил очень мало, размеренно поглощая все, что она перед ним ставила. За столом он вел себя безупречно, если только не был очень голоден или расстроен.

– Ты умеешь плавать? – спросила Мэри после того, как он помог ей вымыть посуду.

– Да, да! – просиял Тим.

– Тогда иди надень плавки, пока я закончу здесь, а потом мы вместе пойдем на пляж. Хорошо?

Он моментально исчез и вернулся так быстро, что ему пришлось ждать, пока Мэри наведет на кухне полный порядок. Они взяли два парусиновых шезлонга, зонтик, полотенца, кое-какие пляжные принадлежности и отправились на пляж.

Мэри устроилась в шезлонге, открыла книгу и только тогда заметила, что Тим все еще стоит и смотрит на нее – озадаченно и сокрушенно.

Она захлопнула книгу.

– В чем дело, Тим? Что такое?

Он беспомощно всплеснул руками.

– Но мы же пришли купаться!

– Не мы, Тим, – мягко поправила его Мэри. – Я хочу, чтобы ты поплавал в свое удовольствие. А я никогда не захожу в воду.

Он опустил перед ней на корточки и, очень расстроенный, положил обе ладони на ее руку.

– Мэри, но это не то! Я не хочу купаться один! – На длинных светлых ресницах блестели слезы, словно капли воды на хрустале. – Пожалуйста, пожалуйста, не заставляй меня купаться одного!

Она коснулась его, но тут же отдернула руку.

– Тим, но у меня нет с собой купальника! Я не смогла бы пойти купаться, даже если б захотела.

Он мотал головой из стороны в сторону, все больше приходя в возбуждение.

– Значит, тебе не нравится быть со мной! Значит, я тебе не нравлюсь! Ты всегда одета так, как будто в город собираешься. Ты никогда не надеваешь ни шорты, ни брюки, никогда не ходишь без чулок, как мама!

– Ох, Тим, ну что мне с тобой делать? Если я всегда строго одета, это не значит, что мне не нравится твое общество! Просто я чувствую себя неуютно, если одета не по всей форме, только и всего. Я не люблю носить шорты и брюки, не люблю ходить без чулок.

Но Тим, не поверив ей, отвернулся.

– На отдыхе носят такую одежду, какую надевает моя мама, когда веселится, – упорно стоял он на своем.

Повисла долгая пауза. По сути, они впервые вступили в противоборство, демонстрируя каждый силу своего характера, хотя Мэри этого не осознавала. В конце концов, вздохнув, она отложила книгу.

– Ладно, пойду в дом, посмотрю, что у меня есть. Только ты должен честно пообещать, что не станешь шутить со мной в воде, тащить ко дну или исчезать из виду. Я не умею плавать, а значит, тебе придется опекать меня все время, пока я буду находиться в воде. Обещаешь?

– Обещаю, обещаю! – расплылся в улыбке Тим. – Мэри, только ты быстрее возвращайся! Поскорее! Пожалуйста!

Мэри надела новый комплект белого нижнего белья и серое льняное платье-халат, которое, как это ни претило ее натуре, обрезала ножницами: подол укоротила до середины бедра, рукава выпорола, вырез сделала глубже, обнажив ключицы. У нее не было времени, чтобы подшить края, и это ее сердило. Настроение безнадежно испортилось.

Кожа на руках и ногах, не тронутая загаром, имела неестественно белый цвет, как рыбе брюхо, и, спускаясь к пляжу, без корсета и чулок, Мэри чувствовала себя безобразно обнаженной. С Тимом это ощущение никак не было связано: она всегда с утра одевалась как на выход, даже когда на протяжении нескольких дней находилась абсолютно одна.

Тим и не думал ее критиковать. Теперь, добившись своего, он лишь радостно пританцовывал.

– Мэри, так гораздо лучше! Теперь мы вместе сможем купаться! Идем скорей!

Содрогаясь от отвращения, Мэри осторожно вошла в воду. Брезгливая, как самая надменная из кошек, она заставляла себя глубже заходить в реку, несмотря на то что ей хотелось выскочить из воды и кинуться к своему удобному сухому шезлонгу. Тим, преисполненный важности, в роли юного мужа, которому поручили оберегать сокровище, не позволил Мэри зайти дальше того места, где вода была ей по пояс. Обеспокоенный и растерянный, он кружил вокруг нее словно назойливая мошка. Все было тщетно: Тим чувствовал, что ей неприятно находиться в воде. Понимая, что портит ему удовольствие, Мэри подавила дрожь отвращения и окунулась по шею. От холода, пронзившего все тело, она охнула и невольно рассмеялась.

Услышав ее смех, которого он только и ждал, Тим принялся резвиться вокруг нее словно дельфин. В воде он чувствовал себя непринужденно. Натянуто улыбаясь, Мэри следовала за ним. Она шлепала по воде ладонями, надеясь, что правдоподобно изображает из себя человека, наслаждающегося купанием в реке.

Вода была исключительно чистая и прозрачная, и Мэри, когда опускала глаза, видела свои белые ступни с растопыренными пальцами. Ей казалось, что при ходьбе они дрожат, словно тошнотворно-белое бланманже. Солнце пригревало, лаская ее затылок будто теплая дружеская рука. Спустя некоторое время мисс Хортон стала наслаждаться прикосновением мягкой соленой воды, которое возбуждало и бодрило, и, погружаясь по плечи в восхитительную невесомую прохладу, испытывала подлинное блаженство. Куда-то ушла неловкость от того, что на ней мало одежды, ничто теперь не сковывало ее тело, и Мэри упивалась ощущением полной свободы, однако благоразумия не утратила и минут через двадцать объяснила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.